
Дом для ведьмы
мистический триллер • ужасы
Радомира Теплинская

Рада Теплинская

Дом для ведьмы

«Литнет»
2026

Теплинская Р.

Дом для ведьмы / Р. Теплинская — «Литнет», 2026

Энджела вздрогнула всем телом, инстинктивно подпрыгнув на месте от внезапного, неопределенного ощущения, словно кто-то щелкнул пальцами прямо у нее за спиной. Сердце забилось учащенно, отбивая тревожный ритм в груди, и она резко обернулась, широко распахнув глаза в поисках источника шума или угрозы. Однако пустота вокруг оставалась непроницаемой: ни тени живого существа, ни следа недавнего присутствия. Лишь тихий шелест листвы нарушал оцепенение вечера.Взгляд Энджелы метнулся к густой заросли розовых кустов, расположенных неподалеку. Они вели себя странно, подозрительно и неестественно подрагивая, словно внутри них кипела скрытая, нервная энергия, которая вот-вот прорвется наружу. В полумраке между ветвями угадывалось какое-то смутное, искаженное движение, которое мозг отказывался интерпретировать как что-то обычное.Преодолевая инстинктивный страх, Энджела сделала глубокий вдох, чтобы успокоить дрожь в руках, и послушно, почти механически наклонилась к земле. Пальцы, обтянутые тонкой белой кожей перчаток, осторожно, избегая колючек,#ровали в траву и обнаружили там короткий окурок, еще тлеющий слабым красным огоньком. Сняв его с земли, она замерла, чувствуя, как тепло сигаретного фильтра пробивается сквозь ткань, оставляя на белоснежном материале неприятные, желтоватые следы. Ей явно не пошло на пользу это первое прикосновение к грязной реальности: безупречная белизна перчаток была запятнана, что вызвало у нее легкое, но отчетливое чувство утраты контроля над ситуацией.В тот же миг кусты снова содрогнулись, но теперь это движение было уже не скрытым, а яростным и демонстративным. Ветви раздвинулись с силой, будто их толкала изнутри невидимая рука, и на свет, освещенный лунными лучами, вышла фигура. Это была личность, появление которой казалось абсурдным и почти сказочным: она была слишком старой для того, чтобы только что «родиться» из кустов, но слишком живой, чтобы быть статичной статуей.

© Теплинская Р., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

1 6
2 8
3 10
Визуал 12
4 13
5 16
6 20
7 23
8 26
9 30
10 34
11 38
12 42
13 47
14 52
15 56
16 61
Конец ознакомительного фрагмента. 62

1

Как с уверенностью утверждала женщина – агент по продаже недвижимости, чей голос в телефонной трубке звучал слишком бодро для столь запущенного объекта, дом располагался на просторной, залитой солнцем поляне. И пока Энджела, слегка вспотевшая и раздраженная от духоты в конторе посредственного риелорского агентства, не имевшей ни малейшего представления о том, что такое кондиционер, собиралась в путь, ее мысли были заняты исключительно желанием обрести спасительную тень. Она представляла себе прохладу векового леса, густую и бархатистую, и думала об этом с особым, почти физическим вожделением, которое испытывает человек, запертый в бетонном коробке под палящим солнцем. Весна в Виргинии, как известно, вещь коварная и непредсказуемая; этот апрельский день, с его мучительной влажностью и жарой, вполне мог быть позаимствован у самого разгара июля, обманывая всех своим календарным статусом.

Но ровно час спустя, после того как она порядком измучилась, трясясь на ухабах проселочной дороги, которая казалась искусственно созданной для того, чтобы лишить пассажиров рассудка, ее первоначальный оптимизм сменился глубоким скепсисом. Дорога была настолько узка, что густые ветви деревьев, нависшие над ней подобно своду древнего храма, хлестали по стеклам машины, оставляя на них следы грязи и сока. Энджела уже склонна была считать фразу агента о «поляне» не просто преувеличением, а откровенной ложью или, возможно, галлюцинацией, вызванной жаждой продать любой ценой. Ни малейшего намека на открытое пространство не было повсюду; темная, непроницаемая стена леса окружала ее со всех сторон, словно живой организм, защищающий свои тайны. Сквозь эту плотную завесу листвы не проникало ни малейшего дуновения ветерка, создавая эффект герметично закрытой камеры. Воздух, пропитанный тяжелой, липкой влагой и запахом прелой листвы, казался недвижимым, и едва Энджела свернула с асфальтированного шоссе на грунтовку, она вновь начала обливаться потом, чувствуя, как одежда прилипает к спине.

В одном, по крайней мере, агент ее не обманул: дом действительно существовал, хотя его реальность мало походила на рекламные фотографии. Строение больше напоминало груду старых, потемневших от времени бревен, увитых дикими лозами и утопающих в диких зарослях жимолости, которые, казалось, пытались поглотить его целиком. Лишь единственное видневшееся окно, словно глаз в темном лице, сияло неожиданной, почти ослепительной чистотой, нарушая общую картину запустения. Вероятно, где-то за этими пышными, колючими кустами роз скрывалась и входная дверь, но найти ее было задачей не из легких. Выключив мотор, Энджела осталась сидеть в машине, прислушиваясь к тишине, которая вдруг стала оглушительной, и с любопытством разглядывала это странное строение. Чувствуя, как постепенно испаряется досада на скверную дорогу, которая явно потребует немедленного подновления краски на капоте, а возможно, и замены рессор, она поняла, что это место, каким бы диким оно ни казалось, обладает своей собственной, суровой притягательностью.

Место было по-своему безупречным, обладающим какой-то гипнотической, притягательной красотой. На глубоком, почти черном фоне густых темно-зеленых сосен мерцали бледные, почти призрачные звездочки кизила, словно разбросанные кем-то невидимым драгоценные осколки. Цветущие вишни и яблони, склонившись под тяжестью нежных соцветий, слегка покачивали своими пушистыми веточками на легком ветерке, создавая ощущение хрупкой, стеклянной тишины. Среди буйного, дикого разрастания сорняков, которые казались здесь лишними и чужеродными, сияли ярко-желтые нарциссы, их лепестки горели, как маленькие солнца. Аромат кустов сирени был настолько плотным, насыщенным и опьяняющим, что он буквально заглушал резкий, химический запах выхлопных газов, навязчиво проникавший

сюда с далекой дороги, создавая странный контраст между природной идиллией и индустриальной реальностью.

И вокруг царила невероятная, давящая тишина — жуткая, глубокая и таинственная. Она придавала залитой ярким, почти ослепительным солнцем вырубке ту же мрачную, зловещую ауру, которой веет от средневековых готических замков, темнеющих величественными силуэтами на фоне полуночных небес. В этом лесу время, казалось, застыло, застряв в петле вечности; века текли, неся с собой лишь смену поколений деревьев, но ничего не меняя в самой сути места. Казалось, что живут здесь вовсе не люди, а персонажи древних, злых сказок — и отнюдь не добрых. Создания, собиравшиеся здесь для своих ночных, неведомых людям пирушек, были вовсе не прелестными феями в воздушных нарядах, как в детских книжках, а жутковатыми лесными тварями, кривоногими и пузатыми, покрытыми грубым мехом и перьями. На их получеловеческих, искаженных гримасах лицах, должно быть, зловеще горели узкие, светящиеся в темноте звериные глаза, выжидая свою добычу.

Откинувшись глубоко на спинку мягкого сиденья, Эллен потянулась к своей сумочке, чтобы достать сигарету. Ей нравилось сидеть вот так, в полумраке салона, наслаждаясь этими мрачноватыми выдумками, позволяя воображению рисовать пугающие картины. Она не спешила встречаться с настоящим обитателем этого места, который, судя по всему, был не менее странным и загадочным, чем порожденные ее фантазией причудливые видения. Ее разум унесся в воспоминания о том, как отзывалась о хозяине Марго Уоллес — тот самый агент по продаже недвижимости, которая с такой настойчивостью направила ее сюда. Вспомнив слова Марго, Эллен невольно улыбнулась, чувствуя смесь иронии и предвкушения.

— Я не могу показать тебе дом, — сетовала Марго тогда, её голос дрожал от неуверенности. — Эд ни за что не позволит сопровождать тебя туда, ибо предпочитает делать это сам, контролируя каждый шаг. Так что тебе сначала придется заехать к нему лично. Честно говоря, мне совсем не нравится, что ты отправишься в одиночку в такое место, но если я поеду с тобой, этот старый шельмец и на порог меня не пустит. Он не доверяет никому, кроме себя самого, и его правила не подлежат обсуждению.

2

– Ну уж если и это тебе не подойдет... – с легким разочарованием в голосе продолжала Марго, прокручивая пальцами края папки с документами. – Этот дом принадлежал покойной мисс Бёрингер, а Эд, ее дальний родственник, недавно его унаследовал. Тебе должно понравиться. Он был выстроен, кажется, еще до Войны за независимость, в те времена, когда архитектура диктовала свои строгие, но величественные правила. С ним продается около тридцати акров – прямо на краю Блу-Ридж: густой лес, живописные пейзажи, тишина и все такое. Пожалуй, это как раз то, что ты ищешь, но Эд...

– А что Эд? – полюбопытствовала Энджела, слегка наклонив голову. – По твоим словам, он изрядный оригинал. Он случайно не... – она сделала многозначительную паузу, намекая на возможные эксцентричности или скандалы в прошлом.

– Нет-нет! – Ее собеседница залилась краской, словно кто-то обидел ее лично. – Я бы ни за что не позволила тебе связаться с кем-нибудь подобным, если бы дело касалось чего-то неподобающего. Эд терпеть не может женщин. Он замкнут, неприступен и предпочитает общаться с вещами, а не с людьми, особенно с представительницами прекрасного пола.

– Ну, это не гарантия, – возразила Энджела с легкой усмешкой, не теряя уверенности в себе. Ответом ей был удивленно-проницательный взгляд Марго, который словно пытался просканировать ее душу на предмет скрытых мотивов. Марго мало волновала репутация Эда как потенциального соседа или продавца; она явно была потрясена тем, что ее клиентка имеет столь четкое и, по ее мнению, неуместное представление о столь негативных сторонах жизни, считая их скорее курьезами из романов, чем реальностью.

Энджела прекрасно знала, что Марго считает ее непрактичной чудачкой, человеком, оторванным от земли и здравого смысла. И дело было не только в том, что она выглядела много моложе своих тридцати восьми лет, но и в самой сути их различий. Строгая диета, регулярные походы к косметологам и дорогие спа-процедуры – эта роскошь, доступная лишь обеспеченному среднему классу и выше, – позволили ей сохранить стройность фигуры, безупречную нежность кожи и великолепие пышных светлых волос, которые она тщательно укладывала каждый день. Женщин, подобно Марго выросших в провинции, где ценятся практичность и скромность, бессознательно раздражала не только внешняя отточенность Энджелы, но и ее столичное произношение с его мягкими, почти пренебрежительными интонациями, ее манера одеваться – всегда модно, но вызывающе для провинциального глаза – и держаться. Эта легкая, почти небрежная уверенность в себе казалась Марго неестественной и вызывающей зависть, скрытой под маской профессионального равнодушия.

— Да, это не гарантия, — сухо, почти механически согласилась Марго. В её голосе звучала та же холодная отстранённость, что и в её взгляде, словно она обсуждала не судьбу человека, а неисправность механизма. — В Чуз-Корнерз, как ты, вероятно, слышала, обитает Вильгельм Мюллер. Человек, чьи увлечения вызывают у нормального общества лишь смешанный ужас и отвращение. Он находит своё развлечение в стрельбе по беззащитным собакам и кошкам, превращая свои окрестности в полигон для своих извращённых навыков. Кроме того, он славен тем, что регулярно избивает свою жену и систематически издевается над собственными детьми, доводя их до полного морального и физического истощения.

Однако парадокс этой жизни заключается в том, что, несмотря на всю свою мерзость, Мюллер имеет целых четырнадцать потомков. И далеко не все они рождены от законной жены, миссис Мюллер; многие из них — результат его многочисленных связей на стороне или просто случайных встреч. Бывает и так, что жестокость не препятствует продолжению рода, а иногда даже способствует ему в искажённом мире. Но тебе не следует излишне волноваться по поводу Эда. Да, он отвратительный старый плут, человек с репутацией, которую лучше не проверять,

но в глубине души он остаётся джентльменом. У тебя не возникнет с ним проблем — если только тебе удастся отыскать его в этом лабиринте. Он живёт в глуши, в лесной чаще, сознательно избегая общения с кем бы то ни было, скрываясь в какой-то старой, полуразвалившейся хижине, которую он, с присущим ему цинизмом, называет своим домом. Я нарисую тебе карту, чтобы ты не заблудилась в этих дебрях.

Карта, изготовленная Марго на скорую руку, оказалась удивительно точной. Тонкие линии указателей и условные обозначения леса были выведены уверенной рукой, без лишних деталей, но со всей необходимой ясностью. Энджел ещё раз внимательно глянула на неё, сопоставляя изображение с реальностью вокруг. Да, несомненно, она находится в нужной точке. Пора, пожалуй, приступать к действию, пока не поздно. Обитатель здешних мест все ещё не подавал признаков жизни, и тишина вокруг казалась почти осязаемой, густой. Пусть Эд и малоприятный, раздражительный чудак, всё же Энджел надеялась, что он окажется дома. Столько мучений, столько усилий, потраченных впустую, если встреча не состоится — это кого угодно довело бы до бешенства.

Выйдя из машины, она с раздражением выбросила докуренную сигарету на землю. Только собравшись раздавить окурок каблуком, чтобы скрыть следы своего присутствия, как тишину потряс мощный, оглушительный возглас:

— Мадам! Вы меня очень обяжете, если не будете мусорить в моих владениях!

От неожиданности Энджел подпрыгнула, как подброшенная пружиной, и испуганно огляделась по сторонам. По-прежнему никого не было видно: ни силуэта, ни тени. Но в кустах роз, которые подозрительно и ритмично подрагивали, словно кто-то прятался за ними, угадывалось чёткое движение. Замерев на мгновение, она поняла, что сопротивление бесполезно. Послушно, с достоинством, сохраняющим внешнее спокойствие, она наклонилась и подобрала окурок. Её белые перчатки, ранее безупречные, теперь явно не пошло на пользу: на пальцах остался тёмный след, напоминающий о её недавней оплошности и о том, что хозяин этих земель наблюдает за каждым её шагом.

3

Кусты, словно живые существа, еще раз яростно содрогнулись, выпуская из своих густых, спутанных ветвей некую личность, которая явно выбивалась из привычного представления о новорожденном: это был высокий, подтянутый пожилой мужчина, чей возраст казался спорным, но точно не соответствовал статусу младенца. Он носил очки в тонкой золотой оправе, которые блистали на свету, и обладал потрясающей, почти театральной бородой. Она ниспадала ему до самого пояса, скрывая всю грудь и часть живота, так что о цвете его грубой, домотканой рубашки можно было судить исключительно по видимым участкам рукавов. Цвет этот был пронзительно-голубым — холодным, глубоким и бескомпромиссным, точно таким же, как и его глаза, скрытые за стеклами очков, которые казались ледяными и оценивающими.

– Вас послала та отвратительная девица из Уоррентона, по поводу дома моей покойной тетки? – Голос донесся откуда-то из глубины его бороды, глуховато, но с отчетливой, отточенной интонацией, в которой угадывалась привычка командовать и требовать.

– Да, – коротко и уверенно подтвердила Энджел, не колеблясь ни секунды.

– Тогда можете войти.

Мужчина медленно отступил назад, раздвигая тяжелый занавес из переплетенных листьев и стеблей с такой же театральной грацией, с какой Скарлет Пимпернел распахивала бы свою знаменитую мантию, чтобы скрыться от преследователей или приветствовать публику. За этой живой завесой обнаружилась массивная деревянная дверь, увенчанная резьбой. Переступив порог, Энджел прошла под аркой, сплетенной из диких роз, чьи лепестки, казалось, дышали ароматом лета и старины одновременно. Мужчина последовал за ней, оставив дверь открытой, словно давая понять, что он не боится посторонних взглядов, но и не особенно стремится к ним.

– Меня зовут Эдвард Мартин.

– А меня – Энджел Харпер.

– Миссис Харпер? Рад познакомиться.

В его поклоне сквозила изысканная, почти античная грация, выверенная годами светского этикета. С той же подчеркнутой, искусственной любезностью ей были предложены удобный стул с высокой спинкой и фарфоровая чашка с чаем, от которой веяло мятой и бергамотом. Она благосклонно приняла и то, и другое, сохраняя спокойное выражение лица, хотя не питала никаких иллюзий по поводу истинных чувств своего хозяина. Эдвард, или Эд, как он позволил себе представиться, был настоящим джентльменом в лучшем смысле этого слова: он вел бы себя безупречно подобающим образом даже под угрозой смертельной опасности, соблюдая все нормы приличия до последней мелочи. Однако было очевидно, что его общество не приносило ему никакого удовольствия. Поспешность, с которой он вдруг покинул комнату, чтобы лично приготовить чай, не оставляя Энджел одну ни на минуту, весьма напоминала не заботу о госте, а попытку как можно скорее избавиться от нее, избегая ненужного разговора.

Оставшись наедине с тишиной, Энджел позволила себе оглядеться, и её взор мгновенно притянула гостиная. Это было пространство, поражавшее не просто опрятностью, а какой-то почти аскетичной, выверенной чистотой, где каждая вещь занимала строго отведённое ей место. Мебель, скромная по количеству, словно случайно оказалась в центре комнаты, уступив всё остальное пространство высоким книжным шкафам, которые занимали стены сплошной стеной корешков. Лишь редкие проёмы для окон, массивная дверь и холодный камин напоминали о том, что это жилое помещение, а не библиотека. Воздух здесь пах старой бумагой, деревом и чем-то неуловимо благородным, создавая атмосферу сосредоточенной учёности.

Когда Эд вошёл, неся поднос с горячим напитком, Энджел всё ещё стояла у одной из полок, не в силах оторвать взгляд от знакомых обложек. В этот момент она полностью забыла о

той ледяной неприветливости, с которой он встретил её всего минуту назад. Её лицо озарилось искренней, детской улыбкой, и она повернулась к нему, не скрывая своего восторга:

– У вас есть Генти! – воскликнула она, и в её голосе прозвучала нота такой живой радости, что холодность в комнате будто отступила. – Я не перечитывала эти книги уже много лет... но когда-то они были моими самыми верными друзьями.

Эд лишь слегка приподнял бровь. Его взгляд, изначально холодный и оценивающий, немного потеплел, став менее отстранённым, однако разгадать истинные мысли этого человека было по-прежнему невозможно. Он был человеком, которого трудно было «купить» улыбками или общими интересами. Спокойно поставив поднос на центральный стол, он сделал королевский жест, приглашая её разлить чай, словно давая понять, что теперь они партнёры в этом ритуале.

– А я все еще читаю их, – обронил он спокойно, без лишнего пафоса, но с лёгким намёком на постоянство. – Время от времени я позволяю себе удовольствие потакать собственным прихотям, возвращаясь к истокам. Но вы найдете здесь и более серьезные вещи. Те, что требуют не просто ностальгии, а интеллектуального напряжения.

В его словах прозрел легкий, едва уловимый оттенок тщеславия — тонкое признание собственной эрудиции и вкуса. Энджел улыбнулась, поняв, что за внешним равнодушием скрывается гордый интеллектуал.

– Да, конечно, – поспешила согласиться она, разливая чай и стараясь придать голосу уверенный тон. – Вам нравится Джойс? Стыдно признаться, но я так и не смогла осилить «Улисса» — эта книга кажется мне лабиринтом, из которого нет выхода. Хотя его поэзию я люблю, она... она как музыка, которую можно почувствовать сердцем, даже если не понимаешь каждого слова.

Визуал

Встреча Эдварда и Энджелы

4

И она продолжала методично атаковать его уязвимые места, словно опытный хирург, оттачивающий скальпель, — не без успеха, надо признать: к тому времени, когда Эд наконец дал понять, что пора уже осматривать дом его тетки, суровость в его взгляде явно поубавилась, уступив место чему-то более снисходительному, возможно, даже слегка заинтересованному.

В качестве транспортного средства Эд предложил собственный грузовик. Как и все остальное имущество мистера Мартина, он был стар, но пребывал в безупречном, почти музейном состоянии. Кузов не имел ни царапины, а салон пах новым ковролином и чем-то напоминающим старый табак; похоже, пользовались им нечасто, бережно храня как реликвию, а не как рабочий инструмент. Перед тем как усадить Энджелу в машину, Эд тщательно вытер сиденья специальной салфеткой, словно опасаясь, что ее присутствие может оставить на них следы несовершенства. Когда он занял свое место за рулем, заведя мотор, который заурчал глухо и уверенно, она решила нарушить нависшее молчание:

– Я думала, у вас будет по меньшей мере автомобиль с четырехколесным приводом. Зимой отсюда, должно быть, трудно выбираться?

Эд лишь хмыкнул, не отрывая глаз от дороги, покрытой мелкой галькой.

– Зимой я никуда и не выбираюсь.

Ей следовало предвидеть этот ответ, он был слишком прямым, слишком категоричным. Энджела представила, как долгими зимними вечерами, когда солнце скрывается за горизонтом раньше шести часов, он сидит здесь у камина, наслаждаясь книгами, одиночеством и консервированным супом, среди сугробов, громоздящихся снаружи, словно белые стены, отсекающие его от мира; но не успела она сообразить, что своим вопросом она фактически поставила себя на место, признав свою незнание местных реалий, как Эд добавил, бросив на нее быстрый, оценивающий взгляд:

– Кажется, вы неплохо разбираетесь в автомобилях миссис Харпер?

Впервые Эд задал вопрос, который можно было назвать личным, коснувшись сферы, которая не относилась напрямую к сделке или недвижимости. Энджела удивлялась его сдержанности: любой другой на его месте, столкнувшись с потенциальным покупателем такой редкой недвижимости, воспользовался бы правом поинтересоваться прошлым и настоящим клиента, пытаясь вычислить его мотивы и платежеспособность. Но Эд держал дистанцию, сохраняя профессиональную холодность. И теперь, к собственному ужасу, она ощутила знакомые, почти физиологические симптомы: легкое покалывание в кончиках пальцев и учащенное сердцебиение.

«Синдром Старого Моряка», которым страдала Энджела, был излюбленной темой для семейных шуток, тихих и доброжелательных, но от этого не менее обидных. Название «недугу» придумал ее старший племянник, утверждавший, что блеск в глазах Энджелы в тот момент, когда она берет в плен невольного слушателя, напоминает ему о Моряке из знаменитой баллады Колриджа. К сожалению, ее повествованиям недоставало демонической притягательности поэмы, той мрачной, гипнотической силы, что сковывает волю слушателя. Энджела обычно рассказывала о себе и своей семье в самой безобидной, даже неловкой манере, пересыпая речь деталями, которые казались ей важными, но были тривиальны для окружающих. И все же, по странному парадоксу человеческой психологии, она всегда сообщала своей жертве значительно больше, чем та хотела бы знать, раскрывая свои уязвимые стороны там, где их никто не ждал, и оставляя после себя ощущение легкого дискомфорта, которое слушатели пытались объяснить лишь ее чрезмерной общительностью.

Эти приступы внезапной, неумолимой словоохотливости тяготили Энджелу до глубины души. Она испытывала смутное, но острое чувство стыда за свою неспособность контролировать поток слов, однако противостоять этому внутреннему напору было для нее невозможно. Когда на нее «накатывало» волной эмоционального срыва, она теряла всякую волю и просто позволяла себе говорить, даже понимая, что каждый вырвавшийся наружу слог лишь подчеркивает ее уязвимость. Изливая душу очередному терпеливому, а порой и растерянному свидетелю своей слабости, она в то же время отчетливо осознавала присутствие внутри себя того самого ехидного бесенка — злого, насмешливого голоса, который издевательски хихикал над абсурдностью и нелепостью происходящего. Этот внутренний наблюдатель с холодным цинизмом фиксировал каждое ее слово, высмеивая искренность, которая казалась самой Энджеле столь драгоценной и необходимой.

Вот и сейчас этот бесенок уже злобно ликовал, раздуваясь от торжества, когда Энджела, сделав глубокий, судорожный вдох, чтобы сгладить неровности дыхания, наконец начала свой монолог:

– Мне пришлось кое-чему научиться. И не просто чему-то, а всему тому, что составляет суть повседневного хаоса, который я так долго пыталась игнорировать. Трое моих племянников без конца притаскивали домой всевозможный хлам, превращая наш двор в подобие свалки ржавого металла: джипы-развалюхи, покореженные кузова, ржавые останки грузовиков, которые еще недавно были полноприводными монстрами, машины без моторов и, что особенно забавно, сами моторы без машин... Впрочем, если смотреть на это с другой стороны, это было только к лучшему. В этом бесконечном разборе металлолома они всегда находили время и инструменты, чтобы отремонтировать мою машину, возвращая ей жизнь. И, что важнее, они научили мою дочь кое-чему, чему нельзя научиться в классах.

– Понимаете, она младше их, – продолжала Энджела, ее глаза расширились, словно она пыталась донести до собеседника всю глубину своей материнской тревоги. – Она постоянно ходила за ними по пятам, как тень, впитывая их навыки, их бесстрашие перед грязью и маслом, их умение чинить то, что другие считают безнадежно испорченным. Правда, скоро все это кончится. Наступит тишина, и я... я буду скучать по всей этой кутерьме. Безумной, шумной, вонючей, но такой живой. И по ним тоже, конечно, буду скучать. Но наступает момент, неизбежный и беспощадный, когда наши дети покидают нас, так ведь? Это закон природы, закон жизни.

– Мы жить не можем без избитых фраз, – обронил Эд. Его голос был ровным, лишенным эмоций, но в нем звучала та самая сталь, которая обычно отрезвляла Энджелу. Он не смотрел на нее, а внимательно изучал свои руки, словно пытаясь найти в них ответы на вопросы, которые она задавала вслух.

– Конечно, мне будет тяжелее, чем им, – продолжила Энджела, игнорируя это сдержанное замечание, которое она, по-видимому, восприняла как попытку остановить поток слов, а не как попытку вернуть ей здравый смысл. – Они уже сейчас рвутся из дома, как птицы, вырвавшиеся из клетки. Моя дочь этим летом собирается в Европу. Не в одиночку, разумеется, – ей только семнадцать, и я никогда, ни за что на свете не позволила бы ей отправиться в путешествие с одним рюкзаком и билетом на самолет в кармане, подобно всем этим бедняжкам-романтикам, которые думают, что мир их ждет с распростертыми объятиями. Нет, она поедет с одноклассниками, под присмотром учителей, в безопасном, организованном формате. А осенью, если мне удастся купить дом так далеко от Вашингтона, как я планирую, она поселится в интернате при частной школе, в которой сейчас учится. Это даст ей независимость, но сохранит защиту. Правда, она может приезжать на уик-энды и...

Машина резко дернулась, ударившись дном о глубокий, скрытый тенью ухаб, и Энджела так сильно прикусила язык, что по рту мгновенно разлился металлический привкус крови. Боль была острой и внезапной, заставив её вздрогнуть всем телом. Водительское кресло скрипнуло

под весом пассажира, а Эд вцепился в кожаный руль мертвой хваткой, его костяшки побелели от напряжения, словно он боялся, что колесо вырвется из рук или машина рассыплется на части. Его взгляд стал остекленевшим, пустым, словно он смотрел не на дорогу, а куда-то внутрь себя, в свои собственные демоны.

Внутри Энджела, этот мелкий, язвительный чертенок, с усмешкой посочувствовал бедняге-мужчине: ее бесконечная, тягучая болтовня должна была быть невыносимой для этого затворника, который, как она знала, терпеть не мог женской компании и уж тем более — женских историй. Но приступ неловкости и потребности быть услышанной все еще держал ее в своих тисках, не давая замолчать. Энджела, не обращая внимания на нарастающее напряжение в салоне, безжалостно продолжила свой монолог, наращивая обороты.

– Два моих племянника уже успешно учатся в колледже, получают образование, а третий собирается поступать нынешней осенью. Это значит, что время летит быстрее, чем кажется, и самое время менять жизнь, расставлять приоритеты. Так или иначе, семья распадается: дети уходят, создавая свои гнезда, а тут еще Джон получает назначение за границу... Это было неожиданностью, но он предложил оставить мне дом – в Бетесде, – и это прелестный, уютный дом, с высокими потолками и старинным садом, но он никогда не был моим. Он всегда принадлежал Джону. И Арлин, моей сестре. Она так любила его, вкладывала в эти стены всю свою душу, но ее уже нет, и я не могла менять в нем что-нибудь, переделывать под себя. Она была такой молодой, полной жизни. Никто из нас и не думал, просто представить не мог, что у нее больное сердце, что оно может подвести в самый неподходящий момент... Ладно, прошло уже десять лет, и вы, наверно, считаете, что мне следовало бы примириться с этой смертью, принять её как данность. Джон не примирился, но он всегда был таким удивительным человеком, таким неунывающим и понятливым... Я рада была хоть чем-то помочь ему и мальчикам, разделить с ними груз утраты. Мне самой это было приятно, это давало ощущение нужности. Мы с Лин жили в тесной городской квартирке, где стены, казалось, давили на плечи. Я всегда отлично уживалась с мальчиками, понимала их язык, а они на самом деле нуждались в ком-нибудь, кто хотя бы отчасти заменил им мать, кто мог бы дать тепло и заботу, которых не хватало после потери. Джону пришлось бы нанять экономку, а вы ведь знаете, как сложно найти хорошую, надежную женщину, которая будет относиться к детям как к своим собственным, а не просто выполнять обязанности.

«Ладно, – прозвучало в голове, точно голос из другого измерения, – тебе вовсе незачем убеждать Эда Мартина в непорочности мотивов твоего поступка. Ты можешь даже себя не убеждать, правда ведь? Давай, расскажи ему еще о Джоне, какой он замечательный, какая он важная персона. Тебе ведь до смерти хочется поговорить о нем, вспомнить былые времена, когда ты была частью идеальной семьи».

Энджела почувствовала, как внутри сжимается что-то холодное и острое, но внешняя маска спокойствия не дрогнула.

– Все дело в доме, – сказала Энджела. Пытаясь заглушить этот внутренний голос, который казался громче слов, она произнесла это слишком резко и громко, и Эд бросил на нее недоумевающий, настороженный взгляд, пытаясь понять, куда же завела его эту поездку ее речь. – У меня никогда не было собственного дома. Сперва квартира, аренда, временное пристанище, а потом дом Арлин, чужой дом, где я была лишь гостьей. Но теперь появилась возможность немножко побаловать себя. Свой угол, свои стены, где никто не напомнит о прошлом, кроме меня самой.

5

– Поэтому вам не стоит ни на мгновение сомневаться в моей платежеспособности, – продолжила Энджела, изо всех сил стараясь, чтобы её голос звучал легко, иронично и уверенно. Она попыталась придать фразе оттенок шутки, но внутри всё сжималось от тревоги. Приступ, этот внезапный нахлынувший поток слов, кажется, наконец-то отступил, оставив после себя лишь эхо собственной неудержимости. – То есть... я хочу сказать, мы ведь так и не обсудили детали. Не закрепили условия.

– Подобные вещи я оставляю на усмотрение своего агента, – надменно произнес Эд, словно подчёркивая свою неприкосновенность и дистанцию. Он не торопился, его движения были плавными и размеренными. – Вы вовсе не обязаны вываливать мне на стол все свои финансовые планы, миссис Харпер. Это не входит в ваши обязанности.

Как всегда после этих внезапных, неконтролируемых припадков говорливости, эйфория сменилась тяжёлым чувством подавленности и острым, пронзительным презрением к собственной слабости. Она чувствовала себя неловко, словно ребёнок, которого поймали на вранье.

– Я понимаю, – сказала Энджела уныло, опустив глаза. Её голос прозвучал тихо, почти шёпотом. – Простите. Прошу прощения. Стоит мне начать, и я просто не могу остановиться. Я теряю контроль. Вам, наверное, было ужасно скучно слушать эту болтовню.

– Как раз скучным ваш рассказ не назовешь, – парировал он.

Борода мешала разобрать точное выражение лица Эда, скрывая мимику, но в его голосе, в каждом слоге явно звучала искорка улыбки, теплая и немного насмешливая.

– Может, ваше повествование и страдает некоторыми недостатками, – продолжил он, обдумывая слова, – но уж вовсе не отсутствием занимательности. Напротив, оно было... живым. Некоторой бессвязностью – да, это заметно. Краткости тоже заметно недостает. Вы любите детали. Но это не плохо.

Эд сделал паузу, давая ей время осмыслить его слова.

– Если я правильно вас понял, вы вели хозяйство вашего овдовевшего зятя, у которого трое сыновей. Сами вы имеете дочь. Ваш зять работает в одном из тех гнусных учреждений, которые без конца вмешиваются в дела других государств, сея хаос и недружелюбие. Теперь, когда ваши племянники достигли студенческого возраста, а зять собирается за границу, чтобы продолжать свое непристойное, по моему мнению, занятие, вы решили купить какой-нибудь необыкновенный дом в тихом, уединенном месте. Место, где можно, без помех и посторонних глаз, предаться исследованию глубин собственной души...

Он снова сделал паузу, и воздух вокруг словно наэлектризовался.

– Прошу прощения, я перехожу на личности и становлюсь ироничным. Это моя манера. Но все же позволю себе еще одну бестактность. Вы хотите жить для себя. Превосходное намерение. Я решительный сторонник независимости, личной свободы и категорически не одобряю вмешательство в чужие дела, будь то политическое или личное. Но, к моему глубочайшему изумлению, мне сейчас хочется нарушить собственные принципы. Хочу знать больше.

Его голос стал ниже, серьезнее.

– Вы вдова, миссис Харпер?

– Разведена, – ответила Энджела, и в ее голосе прозвучала легкая, едва уловимая дрожь. Она чувствовала себя несколько ошарашенной тем внезапно обрушившимся на нее потоком вопросов и откровенности собеседника, который, казалось, решил сразу и окончательно определить ее место в новой для нее реальности. – И уже очень давно. Годы шли, и эта тема перестала быть для меня острой раной, превратившись просто в сухую констатацию факта.

– Тогда я дам вам маленький, но крайне важный совет. Если вы твердо решили поселиться здесь и начать новую жизнь, не упоминайте о своем разводе. Ни при каких обстоятельствах.

Энджела моргнула, не сразу понимая, с какой стороны подойти к этой рекомендации.

– Вы предлагаете мне лгать? – переспросила она, и в ее глазах мелькнуло недоумение, смешанное с легким возмущением. Для нее честность всегда была базовой ценностью.

– Ложь – самый восхитительный из пороков общества, – парировал он с легкой, почти театральной усмешкой, словно цитируя кого-то из классиков. – Но если я не рекомендую вам активно лгать в этом случае, то лишь потому, что это совершенно бессмысленно. В маленьком городе, где каждый знает каждого с пеленок, ложь раскрывается мгновенно. Вас разоблачат, и тогда ваша искренность будет воспринята как хитрый маневр. Я просто предлагаю вам помолчать на этот счет. Оставьте пустоту там, где другие заполнили бы ее сплетнями. Тишина — лучший щит.

Энджела опустила взгляд, чувствуя, как по щекам поднимается легкий румянец.

– Что ж, я сама дала вам повод к такому совету, – смущенно произнесла она, стараясь оправдаться за свою внезапную откровенность. – Но уверяю вас, я не всегда так болтлива. Непонятно почему, но некоторые ситуации, особенно когда человек чувствует себя неуверенно или находится в незнакомой среде, вызывают у меня повышенную говорливость. Это своего рода защитная реакция, способ заполнить тишину и показать свою открытость.

– Мне кажется, что вы от природы очень искренни, и почему бы нет? – мягко заметил он, и в его тоне звучало одобрение. – Похоже, вам действительно нечего скрывать. Однако вам следует принять во внимание провинциальность нравов в маленьких городках, где слухи распространяются быстрее, чем пожар. Здесь люди любят знать подробности чужих жизней, чтобы почувствовать себя центром вселенной.

Он сделал жест рукой, указывая вперед:

– Посмотрите по сторонам, миссис Харпер. Мы как раз въезжаем в Чуз-Корнерз. Благозвучное название, не правда ли? Звучит уютно, почти идиллически. Если вы приобретете мой дом, то именно сюда вам придется ездить за покупками, встречаться с соседями и строить свою новую жизнь.

Энджела огляделась. К Эду она приехала с другой стороны, поэтому сейчас ей предстояло первое знакомство с городком. Он был невелик – всего несколько кварталов, словно застывший в времени. Почтенного возраста дома, выкрашенные в спокойные, приглушенные тона, окруженные величественными и, пожалуй, не менее старыми деревьями с густыми кронами, располагались в стороне от дороги, создавая ощущение закрытого, защищенного мира. По широким тротуарам не спеша прогуливались мамыши с детскими колясками, их шаги были размеренными и уверенными, а дети раскатывали на трехколесных велосипедах, звонко смеясь и не обращая внимания на проезжающие машины.

Подчиняясь правилам, Эд сбавил скорость при въезде в городок, и теперь их степенное продвижение, как заметила Энджела, привлекало всеобщее внимание. Глаза прохожих следовали за их автомобилем, в окнах домов открывались занавески. Эд, казалось, смотрел прямо перед собой, целиком сосредоточившись на дороге, его поза была напряженной, но контролируемой. Однако спустя несколько мгновений, нарушив звенящую тишину, он произнес:

– Они глазеют не на вас, миссис Харпер, а на меня. Я редко бываю здесь, и к тому же у меня, видите ли, сложилась репутация в некотором роде городского сумасшедшего. Местные привыкли к порядку, а моя история… ну, скажем так, она слишком громкая для их тихой жизни.

Энджела перебрала в уме несколько возможных ответов, взвешивая каждое слово на весы приличия и здравого смысла, но в конце концов решила, что молчание — лучшая политика. Они медленно проезжали через деловую часть городка, которая производила впечатление не

столько коммерческого центра, сколько застывшей в времени декорации к старому вестерну. Эта часть состояла из одной тусклой бензоколонки с ржавыми вывесками, нескольких сборных деревянных домиков, небрежно приспособленных под лавки с товарами первой необходимости, и весьма солидного, возвышающегося над остальным пейзажем заведения — настоящего провинциального универмага. Его фасад был украшен длинной крытой верандой, где в тени от палящего солнца можно было найти передышку.

Все стулья, расставленные вдоль этой веранды, были плотно заняты. И что примечательно — исключительно мужчинами. Они сидели, опустив шляпы на глаза или закинув ноги на перила, куря сигареты и наблюдая за прохожими с тем же любопытством, с каким фермеры рассматривают новый трактор. Когда груженый грузовик Эда поравнялся с ними, группа мужчин как по команде подались вперед, забыв о приличиях. Их взгляды были беззастенчивыми, цепкими и оценивающими, скользнув по машине и остановившись на Энджеле, словно пытаясь измерить её достоинство и статус.

– «Универсальные товары Гароу», – прочла Энджела вывеску, на которой выцветшие буквы еще сохраняли остатки былого величия. – Очаровательно! Звучит так, будто здесь продают не только мыло, но и секреты соседей.

– Миссис Гароу – самый преуспевающий городской бизнесмен, – поправил её Эд, намеренно и с легкой усмешкой употребив существительное мужского рода. – Она не просто торгует, она управляет этим местом. Кроме того, она является неоспоримой опорой местной церкви и морали. Держитесь подальше от нее, миссис Харпер. Я хочу сказать – держитесь подальше от церкви; впрочем, от самой миссис Гароу тоже. Но я уверен, что вы, как и подобает уважаемой женщине, без сомнения, пропустите мимо ушей оба эти предостережения, сочтя их преувеличением.

– Почему те мужчины так пристально рассматривали нас? – спросила Энджела, чувствуя, как по спине пробегает легкий холодок. – Надеюсь, мистер Мартин, я не подвергаю опасности вашу репутацию, появляясь в обществе женщины, которую они, возможно, считают чужаком или даже опасной фигурой?

– Это воистину невозможно, – безмятежно ответил Эд, даже не посмотрев на веранду. Его голос был спокоен и размерен. – Разве я не говорил вам, что здесь меня считают городским сумасшедшим? Да, еще и атеистом, к тому же. Хотя, если быть абсолютно честным, я рациональный деист, но бесполезно разъяснять этим олухам тонкости философских различий. Нет ничего странного в том, что я отверг их Бога – этого малоприятного, заносчивого старикашку в ночной сорочке, имеющего скверную привычку совать свой всевидящий нос в чужие дела и требовать постоянного внимания. Но значительно сильнее моих соседей раздражает то, что я отверг и их Дьявола. Я не верю ни в адские муки, ни в черную магию, ни в ту театральную драму, которую они разыгрывают каждую неделю. Для них это непозволительно.

– Понимаю. Хотя вряд ли можно рассуждать о Дьяволе, проходя мимо его «резиденции», – она кивком головы указала на прелестный белый домик в раннем георгианском стиле, стоящий чуть в стороне от основной улицы. Дом поражал изяществом очертаний, симметричностью окон и тем благолепием, которое всегда вызывает подозрение в маленьком обществе, где каждая деталь жизни выверена до мелочей.

– Полагаю, вам не доводилось жить в таких маленьких городках? – Эд бросил на неё косой взгляд, полный тихого сочувствия. – Там нет места для сомнений. Либо ты с нами, либо против нас.

– Нет, – призналась Энджела, отпуская ручку двери. – Я родилась в Бруклине, в Нью-Йорке. Там шум, скорость и люди не смотрят друг на друга так пристально. Но в детстве мне приходилось навещать бабушку в Индиане. Моя бабушка...

– Ни слова больше, – перебил Эд, яростно мотая головой, так что его седые волосы взметнулись в воздухе. В его глазах читалась отчаянная мольба, смешанная с легким испугом. – Умо-

ляю, остановитесь. Вы очень милая женщина, насколько вообще женщины могут быть милыми в этой проклятой, вычурной жизни, но я действительно не хочу знать больше того, что уже знаю. Моя голова полна и без того.

– Вы тоже очень милы, – рассмеялась Энджела, и звук ее смеха прозвучал как колокольчик в тишине библиотеки. – Меня еще ни разу не заставляли умолкнуть столь деликатным образом. Обычно люди либо спорят, либо пытаются перебить, но вы... вы просто просите. Это редкое достоинство.

– Мне вовсе не хочется разрушать ваше восторженное представление о мире, – произнес он, поправляя очки и глядя на нее поверх линз с выражением глубокой, почти философской усталости. – Но наивность доведет вас до беды. «Благородный дикарь» Руссо – всего лишь миф, причем давно скомпрометированный историей и реальностью. В буколической простоте, которую вы так романтизируете, гнездится не меньше пороков, чем в городской искушенности. Здесь, в глубине провинции, сплетни разрастаются быстрее сорняков, а зависть имеет корни глубже, чем любой дуб.

Энджела ощутила легкую досаду, прилившую к щекам теплым румянцем. Ей нравился этот старомодный бородач, его манера говорить, напоминающая чтение классики вслух, но трудно было согласиться с его желчным, циничным взглядом на человечество или хотя бы только на тихую, сонную Чуз-Корнерз.

«Интересно, что так повлияло на его отношение к ближним?» – рассеянно подумала Энджела, изучая морщины вокруг его глаз. Как многие циники, Эд был разочаровавшимся романтиком. Его книжные полки, увешанные старыми фолиантами, трактатами по истории и потускневшими биографиями, выдавали его с головой: человек, который когда-то верил в идеалы, но увидел их изнанку.

– Не волнуйтесь, – произнесла она вслух, стараясь придать своему голосу уверенную, почти игривую интонацию. – Я хорошо осведомлена о провинциальных нравах. Конечно же, меня поначалу будут сторониться, шептаться за спиной, но я завоюю симпатии. Время – лучший лекарь от недоверия. В конце концов, я не собираюсь устраивать оргии или ежедневно менять любовников, хотя и разведена. Я ищу спокойствия, а не скандалов. А если соседи так и не пожелают общаться, я прекрасно могу развлечь себя сама. Я немножко рисую, и вяжу, и с удовольствием буду ухаживать за садом, а кроме того – книги, музыка... Да, и птицы. В пригороде мне так и не удалось как следует понаблюдать за птицами. Здесь, в городе, они лишь тени среди бетона, а я хочу видеть их в естественной среде.

– О да, – угрюмо согласился Эд, скрестив руки на груди. – Птиц здесь хватает. И не только птиц. Здесь все слышит все.

– Существует так много занятий, на которые у меня вечно не хватало времени в городской суете. – Энджела продолжила, не обращая внимания на его предупреждение, ее глаза загорелись предвкушением новой жизни. – Я хочу научиться играть на гитаре, перечесть «Войну и мир» вдумчиво, а не бегло, и одолеть, наконец, Пруста, который всегда казался мне неприступной крепостью. Я хочу выращивать лекарственные травы, и вышивать, и сшить хоть одно стеганое одеяло своими руками, и варить варенье из дикой малины...

Странные скрипучие звуки внезапно нарушили ее монолог. Звук был похож на старую дверь, которую долго не смазывали, или на скрип перьев по бумаге. Эллен потребовалось несколько секунд, чтобы понять: эти странные, нарастающие звуки исходят от Эда и означают смех. Сначала тихий, сдержанный, а затем переходящий в добродушный, раскатистый хохот, от которого дрожал его плечистый силуэт.

– Я промолчу, – добродушно произнес он, вытирая выступившую слезу на глазу и глядя на нее с теплым, почти отцовским блеском. – Промолчу. Хотя, признаюсь, ваш список желаний звучит как манифест счастливой жизни.

6

Грузовик, тяжело вздыхая двигателем, резко свернул с широкого асфальтового шоссе и нырнул на узкую, извилистую дорогу, выложенную старинным булыжником. На въезде тускло поблескивала ржавая табличка с надписью «Частная собственность», напоминающая о том, что здесь заканчиваются общественные владения и начинается чужой, закрытый мир. Машина шла медленно, почти крадучись, а её широкие борта то и дело с глухим скрежетом задевали густые ветви деревьев, росших вплотную к обочине, словно пытаясь удержать непрошеных гостей от проникновения внутрь этого укромного уголка.

Вдруг листва слева, казалось, сама расступилась перед ними, открывая завораживающий вид: высоко на зеленом холме, возвышаясь над окружающей растительностью, стоял дом. Энджел прищурилась, пытаясь разглядеть его сквозь мелькающие тени, и вдруг почувствовала, как по спине пробежала холодная дрожь.

– Это ведь не он, правда? – голос её дрогнул, выдавая искренний испуг. Дом был слишком величественным, слишком роскошным для неё самой. Он выглядел как воплощение старой, нетленной элегантности: великолепный образец классицизма с величественными белыми колоннами, поддерживающими портик, и фасадом, сияющим чистотой под лучами солнца. Каждая деталь здесь кричала о богатстве и вкусе, что вызывало у Энджел смешанное чувство восхищения и неуверенности в своей принадлежности к этому миру.

– Нет, это не его дом, – спокойно ответил Эд, слегка притормаживая. – Им владеет мистер Маккей, ваш ближайший сосед. Именно он решил проблему с дорогой. Видите эти камни? Он вымостил её целиком. Дорога ведет всего к двум домам, но Норман, видимо, решил, что ему надоело постоянно барахтаться в грязной жиже после каждого дождя и тратить время на ремонт колес. Кстати, зимой эту дорогу не просто чистят, а приводят в идеальное состояние: у Бормана, хозяина соседнего имения, есть собственный мощный трактор, который работает безотказно.

– Что ж, полезно иметь такого соседа, – произнесла Энджел, пытаясь скрыть неловкость. Роскошный особняк уже начал скрываться за поворотом, оставляя после себя лишь ощущение недостижимой роскоши. – А какой он человек, этот мистер Маккей?

Эд бросил на неё быстрый взгляд, прежде чем снова сосредоточиться на дороге.

– Закончил экономический факультет Гарварда, – начал он перечислять факты, словно читая краткую биографию. – У него большая страсть к коллекционированию: фарфор ручной работы и антиквариат. Кроме того, он владеет приличной библиотекой, полной редких изданий. Время от времени мы с ним перебрасываемся парой слов за чашкой кофе или чаем – он, пожалуй, единственный образованный человек во всей этой глухой округе, с которым можно обсудить что-то кроме погоды и урожая.

Энджел кивнула, переваривая информацию.

– Из ваших слов выходит, что он прямо-таки идеальный сосед. Умный, культурный, щедрый на добрые дела.

– Никто в этом мире не идеален, – твердо ответил Эд, и в его тоне прозвучала та самая предостерегающая интонация, которую она уже успела заметить. – За внешним блеском часто скрываются совсем другие вещи.

Не успела Энджела раскрыть рот, чтобы найти достойный, возможно, более оптимистичный ответ, как ситуация резко изменилась. Эд внезапно, с силой нажал на тормоза. Резкое замедление бросило её вперед, и будь скорость чуть больше, а реакция Эда, который инстинктивно схватил её за локоть, менее стремительной, её голова с треском разбила бы лобовое стекло.

Сердце колотилось где-то в горле. Выпрямившись на сиденье и пытаясь перевести дух, Энджел посмотрела вперед. В густых кустах у самой обочины, едва заметный среди зелени, стоял виновник едва не случившегося трагического несчастья.

Это был подросток, или, скорее, юноша на пороге взросления, одетый в линялые джинсы, потерявшие всякий след былого синего оттенка, и в выцветшей рубашке, которая, казалось, была куплена еще до того, как он родился. Его длинные светлые волосы, давно не видавшие расчески и, возможно, даже воды, спадали непослушной гривой, подстриженной, судя по всему, тупыми ржавыми садовыми ножницами; пряди закрывали часть лица, создавая вокруг юноши ауру небрежности и легкой неухоженности. Все это, впрочем, было вполне обычным для окрестностей, где время текло иначе, но все же что-то неуловимо обеспокоило Энджел. Это было не в одежде, а в движении: в той крадущейся, почти хищной походке, с которой он двигался по краю дороги; в резком, почти инстинктивном повороте головы, словно он почувствовал чужой взгляд; или в том тревожном, уклончивом блеске в его глазах, который быстро гас, стоило ему встретить чье-то внимание. Ей припомнились собственные недавние фантазии о лесных созданиях — мифических существах, скрывающихся в густых, непроглядных зарослях, где каждый куст может таить в себе опасность или тайну.

– Простите, – тихо сказал Эд, убирая руку с руля и возвращаясь к реальности.

– Не извиняйтесь. Кто этот парень? Разве ему не положено находиться в школе? – Энджел кивнула в сторону исчезающей фигуры.

– Классы Западной средней школы не видали Тима после его шестнадцатилетия, – ответил Эд, и в его голосе прозвучала смесь усталости и безразличия. – И, думаю, это к обоюдному облегчению. Ему бы следовало заняться чем-нибудь, найти себе применение, но он предпочитает слоняться по лесу, теряя дни в созерцании деревьев.

– Сколько же ему лет сейчас?

– Кажется, почти восемнадцать. – Эд как-то странно покосился на нее, оценивающе и слегка настороженно. – Я заметил, как вы отреагировали на мое высказывание о неидеальности соседства с мистером Маккеем. Тим – одна из причин. Он племянник Нормана, и если я, по вашим меркам, городской сумасшедший, то этот юноша – городская тень, городской преступник, который пока лишь учится жить вне закона.

Прежде чем Энджела успела осмыслить и переварить услышанное, прежде чем вопрос мог родиться на ее языке, Эд резко остановил грузовик. Двигатель утих, и он выпрыгнул наружу, словно выскочил из ловушки. Мощеная дорога здесь решительно заканчивалась, превращаясь в узкую, неровную пыльную тропку, по которой мог проехать разве что велосипед, да и то с трудом. Никакого намека на жилище, никаких признаков цивилизации: ни столбов, ни знаков, ни даже забитых кольев. Единственными примечательными деталями пейзажа были две гигантские, вековые сосны по обе стороны тропинки, их стволы были так толсты, что их не обхватить и двум людям. Эд шагнул между ними, и его фигура мгновенно скрылась из виду, поглощенная тенью деревьев.

Энджела замерла в ожидании. Через минуту, которая показалась ей вечностью, Эд вернулся. Он не выглядел растерянным; напротив, он сел в машину и уверенным, почти привычным движением взял руль, направляя тяжелый грузовик прямо в просвет между деревьями. Ветви, казалось, раздвинулись по мановению волшебной палочки, открывая пространство, вполне достаточное для автомобиля, хотя с виду оно казалось невозможным. За массивными стволами оказался кирпичный забор, старый и покрытый мхом, с раскрытыми деревянными воротами, скрип которых, вероятно, был слышен за версту.

– Пожалуй, ветки следует немного подрезать, – задумчиво произнес Эд, поправляя козырек своей шляпы и внимательно разглядывая густой кустарник, нависавший над дорогой. Его голос звучал спокойно и уверенно, словно он оценивал не просто заросли, а стратегическую необходимость вмешательства в природный хаос. Энджела ехидно подумала, глядя на его

сосредоточенное лицо, что вряд ли его можно обвинить в склонности к преувеличениям или пустой болтовне; каждое его слово взвешенно и весомо. – Если вы купите этот дом, я, конечно же, прослежу, чтобы эти работы были выполнены. Я лично найду лучших мастеров и не упущу ни одной детали, чтобы вы не беспокоились о мелочах.

В следующее мгновение грузовик плавно выехал на широкую, залитую солнечным светом поляну, и их взорам предстал дом. Эд заглушил мотор, и вокруг воцарилась густая тишина, нарушаемая лишь легким потрескиванием остывающего металла. Он быстро обошел грузовик, чтобы открыть пассажирскую дверцу с ее стороны, предлагая руку, но Энджела все не могла шелохнуться. Сердце колотилось где-то в горле, а дыхание перехватило.

Дом был прекрасен. И это был не просто объект недвижимости – это был ее дом. Он распахнул ей навстречу невидимые объятия, наполненные теплом прошлого и обещанием будущего, приглашая войти, оставив позади сомнения и страх.

Марго, её давняя подруга и советчица, утверждала, что дому лет двести, возможно, даже больше. Но Энджела чувствовала это интуитивно, почти наверняка знала: на самом деле он построен значительно раньше, задолго до Войны за независимость, – возможно, в двадцатые годы восемнадцатого века. В те времена это было стандартное, но надежное двухкомнатное строение с массивными каменными дымоходами по краям, служившими не только для обогрева, но и как несущие элементы конструкции. Или, пожалуй... да, несомненно: крутая, покрытая диким плющом крыша относилась к оригинальной постройке, сохранив свою аутентичную геометрию. Позднее, когда семья разрослась, здание было расширено до четырехкомнатного дома со спальнями наверху, что позволяло разместить многочисленное потомство. Немногие из первых поселенцев могли похвастаться столь роскошным и просторным жилищем, свидетельствующим о статусе и достатке своих основателей.

Кирпичные стены, выщербленные временем, погодой и ветром, были почти сплошь заросли виргинским вьюнком. Зеленые листья так естественно вписывались в окружающий пейзаж, создавая живой коврик, что казалось: дом стоял здесь вечно, являясь неотъемлемой частью ландшафта, словно вырос из самой земли. Более поздние владельцы, стремясь к комфорту, пристроили кухонное крыло и двухкомнатный флигель позади главного здания. Вряд ли кто-то из них прибегал к помощи профессионального архитектора: ни один уважающий себя мастер не потерпел бы застекленной веранды, нависшей над входом и портившей строгую, сдержанную красоту кирпичного фасада. Эта веранда выглядела как чужеродный элемент, добавленный ради сиюминутной выгоды или моды. Но все же дом демонстрировал благородство пропорций, заложенное в его основе, которое нельзя было скрыть или испортить никакими случайными переделками. Он дышал историей, спокойствием и вечностью.

7

Утренний свет мягко ложился на обширную поляну, которая простиралась перед домом во всю свою ширину — не меньше акра живописной зелени. Она словно покоилась на самом дне гигантской природной чаши, берега которой образовывали плавные, пологие холмы, надежно скрывая этот уголок от внешнего мира. Вокруг поляны, замыкая горизонт, возвышался плотный, почти непроницаемый лесной пояс, создавая эффект полной изоляции и уединения.

Энджел стояла, не в силах отвести взгляд, и мысленно уже рисовала картину будущих сезонов. Она ясно видела, как осенью дубы и клены окрасят этот пейзаж в тысячи оттенков — от золотисто-желтого до багряно-красного, создавая яркие, сочные пятна листвы, которые напоминали бы случайные мазки на полотнах великих импрессионистов. Зимой же эти же деревья, а также высокие, стройные сосны, оживляли бы монохромный зимний ландшафт своей темной, вечнозеленой хвоей, одновременно выполняя практическую функцию: густой лесной экран надежно укроет дом от ледяных ветров и любопытных посторонних взглядов.

Особенно впечатлял один из старейших дубов, макушка которого возвышалась даже над крышей и дымовыми трубами дома. По всем признакам, этому великану было не меньше двухсот лет. Его массивный, покрытый глубокими трещинами ствол был увит плющом почти до самой кроны, и этот живой зеленый покров поражал своим насыщенным, сочным изумрудным оттенком, контрастирующим с серой корой дерева.

«Надо будет аккуратно выполоть этот плющ у основания, — подумала Энджел, присматриваясь к деталям. — Иначе он со временем переплетет ствол так плотно, что может погубить дерево, лишив его доступа к воздуху и свету».

За домом, словно гигантский, не растаявший даже в начале лета сугроб, белел старый яблоневый сад. Его ветви были густо усыпаны цветами, создавая облачную дымку, которая мягко сливалась с небом.

Эллен перевела восхищенный взгляд на Эда, все еще непроизвольно отмечая каждую деталь ландшафта, пытаясь ухватить суть этого места. Вон то дерево слева, с характерной раскидистой кроной, — несомненно, орех. У самого крыльца, обрамляя вход, цвели вьющиеся розы, их лепестки казались нежными акцентами на фоне темной зелени лиан. У кухонной двери, где всегда пахнет выпечкой и теплом, благоухал пышный сиреневый куст, наполняя воздух сладковатым, опьяняющим ароматом. Выложенная ровными каменными плитами тропинка вела от крыльца к просторной веранде, приглашая к отдыху. Как чудесно будет сидеть там летними вечерами, когда солнце опускается за холмы, вдыхая прохладный воздух и насыщенные ароматы цветов... А в ближайшем лесу, за краем поляны, наверняка полно кизила, который осенью украсит ветви яркими красными плодами.

— Я хочу здесь жить, — почти прошептала Энджел, и в ее голосе звучала такая искренняя решимость, что воздух словно замер. — Вы мне его продадите?

Эд медленно кивнул, но добавил важное условие:

— Не раньше, чем вы осмотрите все внутри. Дом требует проверки — каждый уголок, каждый этаж.

Если Эд надеялся хоть на секунду разочаровать ее, показав какие-то скрытые недостатки или заставив усомниться в выборе, то потерпел полную неудачу. Энджел уже влюбилась в этот дом, в его атмосферу, в саму возможность стать частью этого ландшафта. То, что ожидало ее внутри — стены, полы, окна, вид из которых она уже мысленно представляла, — не могло заставить ее переменить решение. Она чувствовала это инстинктивно: этот дом был тем самым местом, которое она искала всю жизнь.

Хотя кухня, безусловно, была ужасна, ее состояние вызывало скорее отвращение, чем страх: оборудование в ней не меняли, кажется, с самого 1930 года, когда мир еще даже не знал о существовании современных технологий. Линолеум на полу потрескался и покоробился от времени и влажности, образуя неровную, скользкую поверхность, которая напоминала карту давно забытых территорий. Стенные шкафы, выкрашенные отвратительной, глухой темно-зеленой краской, которая начала облупливаться клочьями, обнажая под собой гнилое дерево, заставили Эллен содрогнуться от внутреннего напряжения. Воздух здесь казался тяжелым и затхлым, пропитанным запахом старой пыли и забытых бытовых проблем.

Но она уже представляла себе, как славно и уютно будет здесь, когда все это уйдет в прошлое. В ее воображении панели обрели бы чистый, благородный цвет слоновой кости, отражающий мягкий свет утреннего солнца. Шкафы засияли бы яичной желтизной свежеобструганной сосны, источая тонкий, приятный аромат леса. А рядом с огромным, массивным очагом, встроенным в толстую кирпичную стену старого дома, который хранит тепло веков, встанет длинный обеденный стол из темного дуба, за которым соберутся друзья, и деревянные скамьи, приглашающие к долгому, задушевному разговору. Этот образ был настолько ярким и живым, что временами Элен почти забывала о текущей реальности.

Заметно обескураженный тем, что его попытка напугать покупательницу не удалась — она лишь оценивала недостатки, а не пугалась их, — Эд потащил ее прочь из кухни, словно ребенок, тянущий маму за руку в магазин. Узкая, тесная лестница не вызвала у Энджел предполагаемых опасений или клаустрофобии, даже когда Эд демонстративно показал, что любой человек ростом выше пяти футов шести дюймов (около 168 см) вынужден будет низко нагибаться, чтобы пройти под низким лестничным сводом, рискуя удариться головой о балки. Он ожидал увидеть страх или раздражение, но Энджел шла уверенно, игнорируя физические неудобства.

Но наверху, достигнув второго этажа, Энджел внезапно замерла, охваченная непонятным, всепоглощающим экстазом. Это было не просто любопытство, а глубокое внутреннее потрясение. Неистовое, победное ликование пронзило ее душу, подобно электрическому разряду. Невероятное, почти нечеловеческое возбуждение, не имеющее ничего общего с привычными, земными эмоциями, заключило ее сознание в объятия столь крепкие и плотные, что они причиняли физическую боль: казалось, будто что-то сверхъестественное, древнее и величественное явилось из небытия, чтобы обдать ее неудержимой, ослепительной радостью. Это чувство было настолько интенсивным, что оно стирало границы между реальностью и мечтой, заставляя сердце биться в ритме, отличном от обычного.

Все это длилось лишь одно мгновение — оно нахлынуло волной, заполнив каждую клетку тела, и так же внезапно отпустило, оставив после себя лишь легкое дрожание и тихую тишину. Переведя дух, Энджела смущенно огляделась, совершенно сбитая с толку собственными реакциями. Она искала причину, источник этого внезапного взрыва чувств, но не могла его найти.

Холл второго этажа был в действительности всего лишь узкой лестничной площадкой с единственным маленьким, заколоченным или грязным окошком, через которое пробивался тусклый свет. Ветхие доски пола просели под тяжестью времени, скрипя при каждом шаге. Но в этой прелестной, хоть и запущенной каморке не было ничего необычного, мистического или тревожного, что могло бы вызвать тот непонятный приступ экстатического восторга. Здесь царила обычная для старинного дома тишина и спокойствие.

Исподтишка глянув на Эда, который стоял рядом, слегка нахмурившись и ожидая реакции, Энджела улыбнулась. Ее неистощимое чувство юмора и самоирония помогли ей окончательно прийти в себя, вернуть контроль над эмоциями. Эд способен внушать самые разнообразные чувства — от раздражения до легкой симпатии или досады, — но уж никак не сумасшедшую, иррациональную страсть или мистический экстаз. Она решила, что это просто усталость или перевозбуждение от осмотра дома. А стоило ему отворить двери спален, пока-

зывая следующее помещение, как Энджела и вовсе позабыла о странных ощущениях, испытанных ею минуту назад, переключившись на оценку новых пространств и планируя будущий ремонт.

8

Обе небольшие, но невероятно уютные комнаты, в которых мы остановились, обладали тем редким свойством сразу располагать к себе: здесь были установлены настоящие камины с массивными деревянными полками, готовые принять тепло зимнего вечера. Резьба на карнизах и наличниках окон отличалась такой тонкой, ажурной работой, что у Энджелы мгновенно всплыли в памяти смутные, но теплые образы раннего Вулворта — того самого времени, когда архитектура еще дышала душой мастера, а не безликой машиной.

– Крыша течет, – мрачно, почти с оттенком упрёка, произнес Эд, указывая пальцем на тёмное, разводами расползающееся пятно, которое уродовало без того выцветшие и потускневшие обои.

– Её легко починить, – спокойно ответила Энджела, мысленно уже оценивая объём работ. Это всего лишь замена нескольких стропил и перекрытие гидроизоляцией, ничего критичного.

– И спален всего две, – настаивал он, пытаясь найти хоть одну весомую причину отказаться от сделки. – Для нашей семьи этого мало.

– Но внизу ещё две просторные комнаты. Их можно будет легко переоборудовать под спальни для гостей или кабинетов, – парировала Энджела, чувствуя, как интерес к дому растёт с каждой минутой.

– Вы не видели ванной, – пробормотал Эд. Похоже, это был его последний, самый отчаянный козырь. И действительно: любое менее решительное или не слишком волевое существо это мрачное, душное помещение могло довести до паники. Старая чугунная ванна, эмаль на которой местами давно отслоилась и облезла, была покрыта сплошной сеткой отвратительных рыжих пятен ржавчины, просачивающейся сквозь микротрещины. Воздух там стоял спертый, пропитанный запахом сырости и старой воды.

– Зелёный кафель и бледно-зелёная эмаль – вот что тут нужно, – мечтательно произнесла Энджела, закрывая глаза и представляя, как этот унылый уголок преобразится, станет свежим, чистым и напоминающим о курортах начала века.

Досада Эда не поддавалась описанию: он даже забыл пригнуться, спускаясь по крутой лестнице, и со звуком, достойным комедийного героя, больно стукнулся головой о массивный деревянный косяк. Вниз он сошёл в гневном, тяжелом молчании, которое звенело громче любых слов.

Пока он внизу возился с входной дверью, проверяя замки и петли, Энджела вышла на веранду, чтобы осмотреть её поближе. Расходов предстояло немало: деревянные рамы пребывали в плачевном состоянии, местами прогнившие, а стекла требовали замены кое-где, чтобы не сквозило. Но отказываться от этой веранды было бы неразумно, хоть она и казалась явным архитектурным излишеством для нашего климата. Виргиния кишит насекомыми – комарами, мошками и довольно-таки плотоядными пауками, – и без высокой крыши над головой, защищающей от солнца и атак крылатых тварей, жизнь здесь превратилась бы в непрерывную борьбу.

Энджела сделала несколько медленных, размеренных шагов по дорожке, ведущей вглубь участка. Воздух здесь был насыщенным, пропитанным ароматом влажной земли, зелени и едва уловимой сладостью цветущих растений. Кто-то из прежних владельцев явно был не просто любителем, а настоящим знатоком своего дела: опытный глаз Энджел мгновенно распознал в зарождающихся победах стрелки гладиолусов, готовые вот-вот взметнуться к небу; аккуратные кустики будущих хризантем, уже набирающих силу для осеннего цветения; и те самые изумрудные перья шпорника и наперстянки, которые летом создадут живописные вертикальные акценты среди клумб.

В начале лета этот цветник превратится в настоящий фейерверк красок, поражая воображение великолепием форм и палитры, но истинное величие сада раскроется позже. Рододендроны с их крупными, плотными соцветиями, горный лавр с кожистыми, блестящими листьями и бесчисленные сорта роз — от чайно-гибридных до плетистых — будут радовать взгляд своим благоуханием и красотой до самой поздней осени, когда первые морозы заставят природу уйти в спячку.

У Эллен, или, как её называли здесь, у Энджел, даже слегка задрожали руки. В груди закипело знакомое, давно забытое чувство — та самая тоска по творчеству, по труду руками. Она уже видела себя здесь: как она подстрижет одичавшие кусты роз, формируя их крону; как аккуратно выкопает пересохшие луковицы тюльпанов и нарциссов, чтобы очистить и обработать их; как рассадит деленки многолетников, давая им новую жизнь. Этот сад ждал своего хозяина, и она чувствовала эту связь физически.

Когда она повернулась к Эду, её глаза так ярко сияли внутренним светом и энтузиазмом, что тот невольно улыбнулся, видя эту искреннюю радость.

– Вы не деловая женщина, миссис Харпер, – заметил он с легкой усмешкой, скрещивая руки на груди. – Будь я хорошим дельцом, то, глядя на выражение вашего лица, на это горящее желание обладать этим местом, поднял бы цену на несколько тысяч долларов. Рынок любит тех, кто знает цену тому, что покупает.

– Но вы ведь не дилетант в эмоциях, и уж тем более не просто «делец», – улыбнулась в ответ Энджел, стараясь сохранить спокойствие, хотя сердце билось где-то в горле. – Я покупаю этот дом. Не потому, что так выгодно, а потому, что это мой дом.

– Подумайте еще несколько дней, – мягко, но настойчиво предложил он. – Хайп проходит быстро.

– Но... – начала было Энджел, чувствуя, как слова застревают в горле от волнения.

– Преимущественное право покупки я оставлю за вами, если именно это вас волнует. И если не волнует – все равно. Я ценю вашу честность и прямолинейность. Думаю, мы не будем связываться с долгими формальностями типа залога или бюрократических проволочек – я даю вам свое слово, миссис Харпер. Это будет простая и чистая сделка.

Он величавой, уверенной походкой направился к своему грузовику, стоящему у края дороги. Энджел едва поспевала за ним, чувствуя, как ноги становятся ватными от эмоций. Лишь у машины она обернулась лишь раз, чтобы бросить последний, прощальный взгляд на дом. На этот раз он перестал быть просто зданием, чужим и холодным. Он стал её домом. Домом, который она выбрала.

А потом, словно не в силах больше сдерживать поток мыслей, она сбивчиво заговорила, обращаясь к водителю:

– Но послушайте, мистер Мартин, мне не нужно время на размышление. Я осмотрела столько домов... вы представить себе не можете, каких чудовищных. Трещины в фундаменте, плесень в подвале, устаревшая проводка, душный воздух заброшенности... Я прошла через ад сомнений. Я твердо решила! И сейчас, не теряя ни минуты, отправлюсь в Уоррентон, чтобы подписать документы и начать новую жизнь.

Эд внимательно посмотрел на неё, его взгляд стал серьезнее и добрее.

– Ничего подобного, миссис Харпер. Я настаиваю, чтобы вы сначала все обсудили со своими близкими. Это серьезный шаг, и он требует поддержки тех, кого вы любите. Дайте себе этот шанс — не передо мной, а перед собой и вашей семьей.

«Проклятый женоненавистник», – с горькой иронией подумала Энджела, чувствуя, как холодок пробирает по спине. Многочисленные таланты Эда, казалось, включали в себя не только литературный дар или проницательность, но и пугающе точную телепатию, позволяющую ему заглядывать в самые темные уголки её сознания.

– Не потому, что вы женщина, миссис Харпер, – твердо, почти отрывисто произнес он, избегая прямого зрительного контакта. Его голос звучал натянуто, словно струна, готовая лопнуть. – А потому, что вы именно такая женщина, какая вы есть. Та, которая не боится смотреть в глаза истине, даже если она уродлива.

Энджела почувствовала, как внутри закипает защитная ярость, но попыталась заглушить её холодным спокойствием.

– Может, я чересчур эмоциональна, – начала она, стараясь, чтобы тон не выдавал волнения, – но уверяю вас, я не безумна. И у меня нет привычки перекладывать ответственность за собственные ошибки на плечи окружающих. Я беру на себя последствия своих решений... – Она резко осеклась, замечая, как взгляд Эда сузился, превращаясь в холодный, оценивающий луч.

– Что там? – Эд проследил за её внезапно расширившимися глазами, его инстинкты охотника мгновенно сработали.

– Какое-то животное... – прошептала она, указывая дрожащим пальцем в сторону густого лесного массива, обрамляющего усадьбу. – Оно мелькнуло между деревьями. Быстро, почти неестественно.

Эд бросил быстрый взгляд на чащу, где тени сливались в бесформенные пятна, и небрежно махнул рукой:

– Белка, наверное. Здесь их много.

– Белка? – Энджела покачала головой, пытаясь разобрать силуэт в полумраке. – Я никогда раньше не слышала о белках-альбиносах. Их шерсть должна быть ярко-белой, почти светящейся. А то, что я видела... оно было слишком крупным, слишком быстрым.

Глаза Эда округлились, в них мелькнуло нечто, напоминающее первобытный ужас, смешанный с глубоким отвращением.

– Оно было белое? – переспросил он низким, хриплым голосом, в котором впервые зазвучала дрожь.

Энджела почувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Ей стало жутко от этой реакции.

– Чья-то кошка, – быстро, почти агрессивно ответила она, пытаясь рационализировать увиденное и успокоить набегающую панику. Она испуганно наблюдала, как меняется выражение лица Эда: снисходительная маска сорвалась, обнажив лицо человека, стоящего на краю бездны.

Он медленно выдохнул, словно выгоняя из легких весь воздух, и долго молчал. Тишина в комнате стала гнетущей, тяжелой, нарушаемой лишь тихим скрипом старых половиц. Наконец, Эд произнес, глядя куда-то сквозь неё:

– Я не хотел вам рассказывать об этом. Ни при каких обстоятельствах. Мне ненавистна даже сама мысль о возможности чего-нибудь подобного. Эта история должна была остаться в прошлом, похороненная вместе с теми, кто её помнил.

Он поднял на неё взгляд, и Энджела увидела в его глазах отчаяние человека, который вынужден передать проклятие другому.

– Но учитывая вашу необъяснимую и внезапную привязанность к этому месту... ту странную связь, которая возникла между вами и этим домом за считанные дни... миссис Харпер,

прежде чем вы примете окончательное решение остаться здесь навсегда, вам следует узнать кое-что. Кое-что о том, что на самом деле скрывается за этими стенами.

9

– Так что, ты серьёзно говоришь, что у тебя что-то водится в доме? – переспросил Джон, медленно откладывая нож с куском тоста на тарелку. Он уставился на Энджелу так пристально, словно пытался разгадать сложную математическую задачу или проверить, не сошла ли она с ума.

Наливая ему новую, почти кипящую чашку кофе, Энджела старалась концентрироваться на звуке льющейся жидкости, чтобы не думать о том, что осталось всего лишь два месяца до их неизбежного отъезда. Два месяца, которые она провела в состоянии глухого шока, пока наконец не осознала очевидную, но до сих пор ускользавшую от нее истину. Эту истину она восприняла с таким смешанным чувством ужаса и облегчения, что до сих пор не могла полностью прийти в себя.

Джон вовсе не был красавцем. Это было бесспорным фактом, который они оба принимали как данность. Благодаря наличию трех весьма шустрых и энергичных сыновей он сохранил удивительную для своего возраста стройность фигуры, а высокий рост, несомненно, можно было отнести к его неоспоримым достоинствам. Но лишь самые преданные, слепые к недостаткам друзья могли бы с натяжкой назвать его лицо «приятным». Его лоб уходил вверх почти вертикально, заканчиваясь где-то на самой макушке, словно предупреждая о том, что место для глубоких размышлений там может быть ограничено. Сломанный в юности нос придавал ему сходство с бывшим футболистом, попавшим в неприятную историю, а глаза, сейчас сощурившиеся от изумления за толстыми стеклами роговых очков, казались совсем крохотными и настороженными. Он страдал сильной близорукостью, уши у него были непропорционально большими, словно прислушивающиеся к каждому шороху, а волосы – слишком редкими и непослушными, постоянно выбивающимися из-под затылка. Но, несмотря на все эти «недостатки», Энджела любила его. Любила всегда, бессознательно и глубоко, хотя и осознала силу своих чувств только в последние месяцы, когда осознала, что они неминуемо должны расстаться. И теперь она безуспешно, почти отчаянно пыталась найти в себе силы, чтобы смириться с будущим, которое рисовало ей картину пустой квартиры, где она больше никогда не увидит этого слегка помятого, но родного лица каждое утро за завтраком, когда он будет ворчливо требовать второй порции кофе.

Что ж, ей придется смириться. Это был единственный возможный вариант. Джон тоже любил ее – не как женщину, а по-братски, тепло и надежно, как женщина, которая заменила им мать, научила их жить и стала центром их семейной вселенной. Но он ужаснется, если узнает о ее истинных, романтических чувствах. Для него она была частью семьи, сестрой по духу, матерью его детей. Если она хотела сохранить его дружбу, если не хотела разрушить то хрупкое равновесие, которое они создавали годами, то должна была молчать. Молчать и притворяться, что эта любовь – лишь плод ее усталого воображения.

Выйдя из краткой, но мучительной задумчивости, Энджела решительно вернулась к предмету разговора, словно переключая тумблер с лирического на деловой режим.

– Привидение, – четко и спокойно ответила она на вопрос Джона, стараясь, чтобы в голосе не дрогнула ни одна нота. – В моем доме живет привидение. Замечательно, правда? – Она даже попыталась улыбнуться, хотя улыбка получилась натянутой. – А он даже не запросил дополнительной платы за это. Какое редкое гостеприимство, если подумать.

В ответ на эти слова в холле раздался дикий, раскатистый топот, от которого задрожали рамы окон. После этого звукового сигнала следовало ожидать появления целого стада буйволов, мчащихся по прерии, или хотя бы табуна диких лошадей, сбежавших из загона. Дверь распахнулась с характерным для старых домов скрипом, но в проеме возник всего лишь мальчишка. Правда, уже довольно взрослый, почти юноша, и достаточно внушительных размеров,

чтобы его появление ощущалось как стихийное бедствие. Он стоял в дверном проеме, задыхаясь от бега, с растрепанными волосами и горящими глазами, готовый сообщить новость, которая, как он был уверен, изменит ход истории их маленькой семьи.

Фред был живым воплощением портрета своего отца, Джона Грисволда, если не брать в расчет одну, но весьма существенную деталь: волос у сына было неизмеримо больше. Если у Джона шевелюра была скорее скромной и послушной, то Фред обладал настоящей, почти мифической гривой. Эти густые, волнистые пряди золотисто-каштанового оттенка ниспадали тяжелым каскадом, скрывая не только плечи, но и лопатки, а длинная, непослушная челка постоянно лезла в глаза, едва не касаясь кончика носа. Поскольку Фред категорически, с юношеским упрямством отказывался использовать какие-либо средства для фиксации прически — ни ленты, ни лаки, а тем более, Боже упаси, заколки или шпильки — ему приходилось в постоянном режиме отбрасывать со лба эти густые пряди. Но стоило ему хоть на секунду отвлечься или зазеваться, как волосы тут же, словно по команде, падали обратно, закрывая обзор и превращая процесс чтения или разговора в настоящую борьбу с собственной внешностью.

Фред стоял на пороге окончания средней школы, и его главной жизненной задачей в этот период стало убеждение отца в том, что дальнейшее посещение учебного заведения является чистой тратой времени. Он аргументировал это тем, что его поступление в престижный колледж уже фактически предрешено благодаря высоким оценкам и рекомендациям учителей, поэтому сидеть на уроках алгебры или истории просто бессмысленно. Однако Джона было крайне трудно провести подобными риторическими уловками. Отец, помня собственный опыт и понимая важность дисциплины, оставался непреклонным: несмотря на все уговоры сына, Фред продолжал каждый день ходить на занятия, выполняя видимость ученика, хотя его мысли часто были далеко от школьной программы.

В данный момент, измотанный после утренних сборов, Фред рухнул на жесткий кухонный стул с тяжелым вздохом. Его руки, привыкшие к быстрым движениям, тут же ухватили сразу несколько ломтей свежего хлеба, которые он начал запихивать в рот, стараясь перекусить на бегу.

– Дополнительную плату за что? – спросил он с набитым ртом, пытаясь говорить сквозь кусок еды, что придавало его голосу забавное булькающее звучание.

– За привидение, – спокойно ответила Энджела, не поворачивая головы.

– За что? – раздался удивленный голос со стороны, нарушая привычный утренний ритм кухни.

Энджела резко обернулась к дочери, которая бесшумно возникла в дверном проеме, словно привидение само по себе. Пенни была весьма изящным созданием: длинные, темные локоны струились вдоль ее точеного личика, обрамляя лицо мягкими волнами. Однако ее стиль одежды контрастировал с аристократичностью черт: она одевалась так, будто была бедной поденщицей, выживающей на грани. В данную минуту на ней красовались старые, сильно заплатанные джинсы, сидевшие слишком широко, и короткая, обтягивающая тенниска, которая явно не предназначалась для выхода в свет.

Энджела замерла на полпути от плиты, сжимая в руках горячее блюдо с яичницей и беконом, запах которого наполнял кухню. Ее взгляд метнулся от дочери к мужу, затем снова к Пенни, и в его читалось смешанное чувство раздражения и материнской тревоги.

– Пенни! – воскликнула Энджела, повышая голос. – Сейчас же поднимись наверх и надень лифчик. Или хотя бы непрозрачную блузку! Как ты можешь выходить в таком виде?

– У нее нет лифчиков, – спокойно сообщил Фред, протягивая руку за пончиком с глазированной посыпкой. – Пенни сожгла их – верно, детка? – он вопросительно посмотрел на сестру, продолжая жевать.

– Их никто сейчас не носит, мамуля, – лучезарно улыбнулась Пенни, не проявляя ни малейшего смущения. Она поправила прядь волос за ухо и продолжила: – Они – символ сексуальных комплексов и устаревших социальных норм. Так о чем ты там говорила? Про какое привидение?

– Кажется, что-то про привидение, – уточнил Фред, игнорируя философские изыски сестры и сосредоточившись на своей тарелке. Он накладывал себе изрядную порцию яичницы с беконом, смакуя каждое движение вилки.

Энджела перехватила изумленный взгляд Джона, который смотрел на жену с выражением глубокого недоумения и легкого страха за будущее семейного бюджета. В воздухе повисло напряжение, которое могло разрядиться в любую секунду.

— Вы все меня с ума сведете, — только и могла вымолвить она, чувствуя, как давление в висках нарастает с каждой секундой, а терпение иссякает быстрее, чем вода в старом чайнике. Ей казалось, что этот хаос, этот бесконечный шум и неразбериха затягивают её в водоворот, из которого нет выхода.

— Но ты все-таки нас любишь, — довольно, почти удовлетворенно сказал Фред, откидываясь на спинку стула и потягиваясь за добавкой, словно только что завершил не просто ужин, а настоящий подвиг. Его улыбка была такой самодовольной, что ей хотелось либо рассмеяться, либо заплакать.

— Существует сервировочная вилка, Фред, — строго, но без особой злости произнес Джон, поправляя манжету рубашки. Он смотрел на сына с выражением глубокого разочарования, смешанного с привычным смирением. — Веди себя прилично, или получишь по рукам. И попытайся разрезать это яйцо хотя бы на три части, а не глотай его целиком, как какое-то бездумное существо. Пенни, не пререкайся с матерью, или тоже схлопочешь. И замолчите, оба. Мне ни за что не понять, как вы можете быть такими неотесанными, живя с двумя столь благовоспитанными взрослыми, как мы с Энджелой. Его голос звучал как приговор, вынесенный судом присяжных, где обвиняемые были виновны изначально.

— Наверное, вы неправильно нас воспитывали, — глубокомысленно, с видом человека, открывшего Америку, высказался Фред, даже не моргнув глазом. Он посмотрел на отца так, будто тот только что предложил ему теорию относительности вместо простого совета вести себя за столом.

— Нет, воспитывали мы вас правильно. И если вы сбились с пути истинного, то лишь потому, что от природы порочны, — парировал Джон, не повышая голоса, но с той непреклонностью, которую можно было ожидать от человека, прошедшего через множество жизненных испытаний. — Обратитесь к психоаналитику. Возможно, там найдут корень зла. И хватит об этом. Энджела, расскажи подробнее о своем привидении.

Улыбаясь, Энджела обвела их взглядом. Три пары сияющих глаз, полных любопытства и ожидания, были устремлены на нее. В этой комнате, полной запахов еды и семейной суеты, вдруг возникла тишина, густая и теплая. «Как же я смогу жить без этого?» — пронеслось у нее в голове, и это осознание было одновременно и пугающим, и невероятно утешительным. Эта сумасшедшая, несовершенная, иногда невыносимая семья была её якорем, её домом, её единственной реальностью.

— Это не обычное привидение, — весело начала она, позволяя себе немного театральности, чтобы разрядить обстановку. — Это призрак ведьмы.

— Ну-у? — одобрительно протянул Фред, его глаза загорелись новым, более острым интересом. — Неслабо!

— Потрясно, — добавил Джон, перехватив реплику у Пенни, чей рот был полон, а щеки надулись, как у хомяка. Он кивнул жене, давая понять, что готов слушать дальше, несмотря на гастрономические трудности дочери. — Продолжай, Энджела, и не обращай внимания на наши безграмотные комментарии. Мы тут только ради атмосферы.

— Этот дом построил ее муж, — сказала Энджела, непроизвольно придавая своему голосу загадочную, завораживающую интонацию, как делала когда-то, читая мальчикам и Пенни сказки на ночь. В тот момент голос становился мягким, ритмичным, убаюкивающим, способным перенести слушателей в другой мир. — Он был фермером и приехал в Америку из Германии, как большинство первых поселенцев в Виргинии. Сюда, на юг, он перебрался из Пенсильвании, после которой эти места казались дикой и безлюдной окраиной мира. Опасности подстерегали на каждом шагу, ибо индейцы враждебно относились к поселенцам, считая их захватчиками чужой земли, а в лесах, столь густых, что солнечные лучи не могли пробиться сквозь кроны деревьев во множестве водились медведи и дикие кошки. Там, в этой первобытной тьме, каждая тень могла таить угрозу, а каждый шорох в кустах мог оказаться не веткой, а хищником. Именно здесь, среди этого дикого великолепия и смертельной опасности, зародилась история, которая теперь живет в стенах нашего дома.

10

Но стоило только очистить землю от вековых зарослей, как она раскрыла свою истинную суть: почва оказалась не просто пригодной для жизни, а по-настоящему плодородной, черной и влажной, словно пропитанная самой сутью земли. Хлебные колосья гнулись под тяжестью зерен, давая стабильно высокие урожаи, а тучные стада скота, словно на дрожжах, увеличивались прямо на глазах, их шерсть блестела здоровьем, а мышцы наливались силой. Для Виктора Тислера весь процесс сводился к суровой, почти аскетичной рутине: срубить несколько тысяч диких деревьев, выкорчевать старые, крепкие пни, вспахать целину тяжелым плугом, посеять хлеб и затем, изможденным трудом, убрать урожай, не давая ему пропасть под дождями или солнцем. Никто из вашего изнеженного, привыкшего к комфорту поколения даже представить себе не мог, сколько требуется воли и физической силы, чтобы выдержать и недели такой каторжной работы, не сойдя с ума от усталости и боли в мышцах.

Она строго, почти вызывающе посмотрела на Фреда, словно проверяя, усвоил ли он урок истории.

– Слава Богу, что я родился значительно позже, – откликнулся он, пытаясь смягчить напряжение шутливой интонацией, хотя в его голосе прозвучала искренняя благодарность за эпоху механизации и облегченного труда.

– Виктор не был первым, кто ступил на эту землю, – продолжила Энджела, возвращая разговор к фактам. – Еще задолго до его появления, на пересечении двух главных трактов, уже стояло несколько крохотных, покосившихся домишек, державшихся на честном слове и грубых гвоздях. В те ранние дни люди были вынуждены помогать друг другу: это была не просто добрая воля, а вопрос выживания. Один в поле не воин, и без взаимовыручки любой сбой — болезнь, пожар или неурожай — означал бы неминуемую гибель для целой семьи. Благодаря общим усилиям общины Виктору удалось возвести маленький, тесный, но теплый домик, который служил ему укрытием от непогоды. Но его амбиции не знали границ. Он работал как проклятый, часто забывая спать и есть, проявляя упорство, которое пугало даже самых закоренелых соседей. Ему потребовалось несколько лет безупречного, изнурительного труда, чтобы добиться тех самых хороших урожаев, которые позволили ему накопить капитал и купить пару прочных фургонов с большими колесами. Эти фургоны стали его крыльями: он начал доставлять зерно в крупные города побережья, где цена на него была значительно выше. И вот, спустя десять лет неустанного труда, когда земля уже привыкла к его плугу, а деньги наполнили карманы, он решил построить не просто жилье, а настоящий дом — символ своего триумфа над дикой природой и собственными ограничениями.

Его соседи, привыкшие к устоявшемуся укладу жизни и строгим правилам соседских отношений, встретили его отъезд с искренним недоумением, которое вскоре переросло в открытое раздражение. То, что он покинул плотно заселенное поселение, оставив за спиной привычный шум и суету, чтобы в одиночестве возвести свое жилище в густой, непроходимой чаще леса всего в миле от родных мест, казалось им проявлением странности, а то и прямого неуважения к общему комьюнити. В те времена изоляция считалась признаком отчужденности или даже безумия, поэтому их возмущение было вполне понятно.

В то время как несколько более удачливых и предприимчивых фермеров довольствовались лишь расширением своих скромных деревянных или каменных хижин, добавляя к ним новые пристройки и сараи, Виктор задался целью, которая для большинства казалась не просто амбициозной, а практически невыполнимой в условиях того времени. Он решил построить свой дом целиком из кирпича — материала, который в этой отдаленной части мира был роскошью, недоступной для простого смертного. Каждый отдельный кирпич для его будущего

особняка был доставлен через океан, прямо из Англии, преодолевая тысячи миль опасного морского пути.

Логистика этого предприятия была поразительной: фургоны Виктора, которые утром отправлялись на рынок, груженые тюками зерна и тушами отборного скота для продажи, возвращались в его усадьбу уже не пустыми, а до самых крыш нагруженные тяжелыми коробами с кирпичной кладкой. Это был медленный, трудоемкий процесс, требующий невероятной дисциплины и воли. И однажды, когда колесница вновь въехала на его двор, она везла не просто строительный материал, а куда более ценный и желанный груз — молодую жену Виктора.

О ее происхождении ходило множество слухов, которые лишь разжигали любопытство местных жителей. Одни утверждали с абсолютной уверенностью, что она цыганка, владеющая тайнами древних предсказаний. Другие шептались, что она испанка, бежавшая от скучных условностей Старого Света, а третьи даже осмеливались называть ее египтянкой, ссылаясь на какие-то загадочные татуировки или амулеты. И действительно, ее внешность кардинально отличалась от привычного облика этого края, где преобладали коренастые, румяные ирландки с блондинистыми косами или сдержанные, приземленные немки. Она казалась пришельцем из другой реальности, напоминая о далеких, жарких землях, полных тайн и страстей. Жена Виктора была изящной и стройной, с темными, как вороново крыло, волосами, ниспадающими волнами на плечи. Ее кожа имела благородный смуглый оттенок, а глаза — огромные, черные и сверкающие, словно два озера, в которых можно было утонуть, — притягивали взгляд своей глубиной и таинственностью.

– Ты сочиняешь, – резко вмешалась Пенни, нарушая завеса таинственности своим скептицизмом. Ее голос звучал так, будто она поймала рассказчицу на лжи, что, по ее мнению, было недопустимо при передаче исторических фактов.

Энджела, чье лицо на мгновение омрачилось легким раздражением, быстро сменила его на мягкую, но уверенную улыбку. Она поправила складки своего платья и спокойно ответила:

– Ну хорошо, признаю: я не видела ее портрета, и мои описания — лишь попытка воссоздать образ, основанная на устных преданиях и логике. Но я бы предпочла иметь других слушателей, которые не прерывали бы меня поминутно вопросами, сомнениями и замечаниями, разрушающими нить повествования. История требует погружения, а не перепалки.

– Никто не поймет тебя лучше нас, – возразил Фред, его тон был добродушным, но настойчивым. Он склонился вперед, глядя в глаза рассказчице с искренним интересом, который, казалось, хотел сказать: «Мы здесь не для того, чтобы мешать, а для того, чтобы понять».

— Что ж, я разделяю твои сомнения: эта часть истории выглядит скорее как поздняя литературная выдумка или, в лучшем случае, искаженная слухами легенда, — согласилась Энджела, поправляя очки и задумчиво глядя в окно. — Она физически не могла быть цыганкой, каким бы экзотическим ни казался этот образ в народных преданиях. Цыганки носили свои имена, часто имеющие глубокие корни в романи или соседних языках, но никогда не скрывались за благозвучным, добрым и старым английским именем — Мэдисон. Это имя звучало слишком по-домашнему, слишком аутентично для англичанки из старой Англии, чтобы принадлежать кочевнице.

Пенни фыркнула, скривившись с выражением явного недоумения:

— Мэдисон Тислер! Какое ужасное, неуклюжее имя для ведьмы. Оно звучит как кличка старой коровы или название местной молочной фермы. Но, главное, она ведь была ведьмой, правда? Ты же не сомневаешься в этом факте?

— Постарайся помолчать хотя бы пять минут, Джон, — тихо, но твердо попросил отец, чувствуя, как нарастает напряжение в комнате. — Не перебивай нить повествования.

— Да, Мэдисон действительно была ведьмой, — подтвердила Энджела, возвращая взгляд к собеседнику. — По крайней мере, так считали окружающие, которые невзлюбили ее с самого

первого дня, едва увидев. Ибо она вела себя крайне странно для тех краев и того времени: она не пекла хлеб в печи, не сворачивала головы цыплятам пальцем, как это делали все остальные жены поселенцев, и даже не пыталась помогать пахать своему мужу, как требовал обычай. Все остальные женщины были крепкими и сильными, привыкшими к тяжелому физическому труду, но Мэдисон не прикладывала рук к лопате или серпу. Вместо этого ее муж, Виктор, нанимал поденщиц для всего этого грязного и тяжелого труда. А Мэдисон проводила дни в своей гостиной, обставленной лучшей, роскошной мебелью, которую только удалось раздобыть Виктору в Джорджтауне. Там она сидела в окружении шелка и дерева и пела странные, завораживающие песенки на непонятном, мелодичном языке, который никто из соседей не мог опознать.

— Всего-то? — перекрывая ее голос, спросила Пенни с сомнением. — И больше она ничего не делала? Просто пела и сидела? Это слишком просто, чтобы стать причиной слухов о колдовстве.

— Очевидно, делала, — со смешком, полным хитрого понимания, возразил Фред, поправляя воротник рубашки. — Виктор ведь возвращался домой к ночи, не так ли? И всегда уставший, но довольный. Не слишком ли часто для простого рабочего дня?

— Возвращался, — невозмутимо подтвердила Энджела. Она привыкла к довольно-таки беспомощным попыткам Фреда казаться циничным и опытным детективом, хотя его теории редко выходили за рамки банальных догадок. — Он любил ее безумно, почти одержимо, и столь же безумно ревновал. Говорят, она была искусной рукодельницей, обладала невероятной ловкостью пальцев, но даже это не смягчало недоброжелательности соседок. В их глазах было что-то зловещее: вместо того чтобы шить грубые рабочие рубашки или штопать дырявые носки мужу, Мэдисон вышивала. Вышивала сложные, пугающие узоры, похожие на древние символы.

— Тогда, наверное, она была испанкой, — вдруг догадалась Пенни, ее глаза расширились от собственного озарения. — Или француженкой. И воспитывалась в монастыре, где их специально учили рукоделию и искусству. Например, вышивать золотом церковное облачение или покровы для алтарей. Это требовало особого знания, которого не было у простых фермерш.

— Верно, — добавил Фред, щурясь сквозь длинную челку, закрывающую один глаз. — Разве несчастные, грубые фермерши могли знать испанский или французский? Они бы даже не поняли, что говорят. И если Мэри (или Мэдисон) была католичкой, то, естественно, скрывала это от протестантского окружения. Дискриминация католиков в Виргинии восемнадцатого века была жестокой и системной. Любое отличие могло привести к изгнанию или хуже. Так что ее «колдовство» могло быть просто проявлением иной веры и культуры, которую они боялись и не понимали.

— Мы прекрасно помним твой реферат по американской истории, — резко оборвал его отец, чей голос прозвучал как удар молота. — И все в этом доме знают, что ты теперь самопровозглашенный специалист по вопросам религиозной терпимости и межкультурных конфликтов. Кстати, это единственная приличная, логически выстроенная работа, которую ты написал за четыре года обучения в университете. Остальное — набор клише. Так что, если хочешь продолжить свою лекцию о толерантности, сделай это позже. А сейчас продолжай, Энджела. Что еще известно о Мэдисон?

– Я не задумывалась над этим подробно, но, пожалуй, ребята правы. Мэдисон наотрез отказалась посещать местную церковь, и это решение стало для нее роковым.

– И ее оставили в покое? – скептически спросил Фред, хмуря брови. – Ты забываешь, суровые времена были. Тех, кто не ходил в церковь хотя бы раз в неделю, а то и чаще, всячески преследовали: штрафовали, заставляли стоять на коленях на церковной площади на всеобщее обозрение, а за упорство даже сажали в тюрьму или отправляли на каторжные работы. Религиозная нетерпимость была нормой, а не исключением.

Наткнувшись на строгий, предостерегающий взгляд отца, Фред вдруг умолк, осознав свою бестактность.

– Дело ведь происходило не в большом городе с его относительной толерантностью, а в глухом пограничном поселении, где закон и мораль определялись самым буквальным прочтением Писания, – объяснила Энджела, понизив голос. – И Виктор к тому времени был уже богатым и уважаемым человеком, чье мнение имело вес. Но все равно это не мешало многочисленным недоброжелателям, завистникам и просто любителям посплетничать распускать всевозможные нелепые и зловещие слухи. Кто-то якобы видел Мэдисон разгуливающей ночью по лесу, в лунном свете, в странных одеждах. Говорили, что она поклоняется идолам, что околдовала своего мужа, который был трудолюбивым и богобоязненным человеком, пока проклятая ведьма не свела его с ума и не обратила в еретика. И поговаривали даже, что сам Дьявол знается с ней в облике...

– Кошки? – нетерпеливо перебила Пенни, ее глаза широко раскрылись от возмущения и интереса. – Черной кошки? Это же классика!

– Не черной – белой, – ответила Энджела, кивая. – Виктор привез ее в подарок жене из Джорджтауна, считая это знаком хорошего вкуса и статуса. Судя по описанию, это была персидская или ангорская кошка, с пушистой шерстью и глубокими голубыми глазами, – Бог знает, как ее занесло на дикие берега Америки, через океаны и границы цивилизации. Мэдисон обожала ее, видела в ней единственного существа, которое понимало ее без слов, и эта привязанность стала для нее единственным утешением в мире, который вдруг стал ей враждебным.

11

– Все нормальные люди обожают кошек, – с непререкаемым авторитетом заявила Пенни, поправляя прядь волос за ухо. – Это ведь факт, подтвержденный вековой историей человеческой цивилизации. И мы ведь, кстати, тоже ужасно балуем Иштар. Мы даем ей лучшее, покупаем самые дорогие игрушки, кормим деликатесами... В общем, создаем ей условия, достойные королевской особы.

Только в этот момент Энджела заметила странную, почти театральную реакцию окружающих: все присутствующие в комнате старательно и синхронно отводили глаза от массивного дубового буфета, стоявшего в углу гостиной. Кто-то резко начал разглаживать складки на брюках, кто-то с усиленным вниманием изучал узор обоев, а кто-то просто замер, застыв в неловкой позе. Энджела, почувствовав себя частью немого кино, обернулась, чтобы понять причину всеобщего смущения.

На верхней полке буфета, куда ей строго-настрого, с угрозой в голосе, было запрещено забираться ни при каких обстоятельствах, грациозно расставив лапки, сидела ее сиамская кошка. Иштар, не проявляя ни малейшего признака вины или смущения, неторопливо и методично уничтожала последние остатки запеченного бекона, оставленные там для завтрака. Кошка жевала медленно, демонстративно выставляя челюсть, и время от времени лениво поглядывала на хозяев, словно наслаждаясь собственным триумфом.

– Иштар! – возмущенно завопила Энджела, чувствуя, как к лицу приливает жар стыда и раздражения. – Слезай немедленно!

Кошка лишь одарила ее высокомерным, полным презрения взглядом из-под пушистых бровей, слегка прищурив голубые глаза. Затем, сделав вид, что ее ничего не волнует, Иштар с достоинством покинула место преступления, спрыгнув с буфета и прихватив с собой последний, самый сочный кусочек грудинки прямо из-под носа хозяйки.

Энджела ахнула. Обычно Иштар двигалась бесшумнее облачка, пробираясь по дому как тень, а ее прыжки напоминали парение птицы в безветренный день. Но когда она сердилась или, как в данном случае, чувствовала себя безнаказанной и важной, то начинала демонстративно топаться по паркету с такой силой, будто была тяжеловесным слоновьим отрядом. Энджела никогда не могла понять, как изящному созданию весом всего в восемь фунтов удается производить столько шума, создавая эффект грядущего землетрясения, но Иштар удавалось, и она довольно часто это делала, особенно когда хотела привлечь внимание или выразить свое недовольство.

В комнате повисла напряженная тишина, нарушаемая лишь тихим жевательным звуком, исходящим от уголка стола.

– Давайте вернемся к Мэдисон, – предложил Джон, явно желая сменить тему и разрядить обстановку. Он откашлялся и поправил галстук. – Интересно, как на самом деле ее звали? Я имею в виду ту историю, которую мы обсуждали.

– Мэдисон, – предположила Пенни, возвращаясь к серьезному тону. Она сложила руки на коленях и посмотрела в никуда, погружаясь в воспоминания или догадки. – По крайней мере, мне хочется так думать. Это имя звучит правильно для того контекста, для той эпохи.

– Думай как угодно, только не вслух, – строго сказал Джек, бросая быстрый взгляд на Энджелу, чтобы убедиться, что та больше не обращает внимания на кошку. – Нам нужна фактология, а не фантазии. Итак, Энджел: кошка Мэдисон... Что нам известно о ней? Была ли она просто домашним животным, или в этом имени скрывалась какая-то метафора?

Энджела медленно опустила взгляд, ее ресницы отбросили тени на щеки, а глаза прищурились, словно она пыталась разглядеть скрытый смысл в случайных узорах на поверхности собственной тарелки. Движения были медленными, задумчивыми, почти гипнотическими.

Джон сидел напротив, внимательно изучая профиль своей спутницы. Он знал ее слишком хорошо, слишком глубоко понимал нюансы ее поведения, чтобы не уловить ту едва заметную вибрацию напряжения, которая пронизывала воздух вокруг нее. Он чувствовал, как она сжимается внутри, пряча что-то важное, что-то тревожное, что она намеренно не произносит вслух. Но самое страшное было не в самом факте умолчания, а в причине этого молчания. Ей совсем не хотелось, да и не хватало духу, рассказывать о том странном белом пятне, которое мелькнуло в сумерках среди густых, влажных кустов у ограды их дома. Это пятно ассоциировалось с местом, где когда-то жила Мэдисон — женщиной, чья история давно стала местной легендой, а теперь казалась кошмаром, проникающим в реальность. Джон и без того не одобрял ее смелого, на его взгляд, решения поселиться в столь уединенном, отрезанном от мира уголке. Скука и тишина здесь были не преимуществом, а потенциальной угрозой для психики.

– Мне больше нечего добавить о кошке Мэдисон, – произнесла Энджела, стараясь придать своему голосу легкость, которую она сама едва верила. Она сделала глоток чая, чтобы скрыть дрожь в руках. – Это была просто кошка. Обычная, ничем не примечательная кошка. Ведь если бы Мэдисон держала в доме не кота, а, скажем, прелестную розовую упитанную свинку, люди и в этом непременно нашли бы дьявольский знак, проклятие или предвестие беды. Общество любит мифы больше, чем факты. Они продолжали шептаться о «ведьме», плести интриги, но ничего серьезного не происходило, жизнь текла своим чередом, пока внезапно не умер Виктор. Смерть мужа превратила Мэдисон в богатую вдову, и это стало последней каплей для их фантазий.

Конечно же, сразу же, как только похоронная процессия скрылась за поворотом дороги, заговорили о том, что она виновна в его смерти. Шепот превратился в открытые обвинения: она убила его. Ядом, колдовством, просто силой воли. Идиллия их странного союза продлилась недолго. Виктор был человеком невероятно ревнивым, параноидальным. Он видел измену там, где ее не было, часто обвинял Мэдисон в неверности без всяких на то оснований.

Мне кажется, что эти обвинения были напрасны. Окружающие сторонились Мэдисон, боясь ее репутации, а те редкие мужчины, которым было наплевать на сплетни деревни, чрезвычайно боялись самого Виктора. Его гнев был всепоглощающим, его власть — абсолютной. Так что, скорее всего, она оставалась верна мужу, хотя и жила в аду подозрений.

Но они без конца ссорились. Это была не просто бытовая ссора, а буря страстей. Прислуга, которая была единственным свидетелем их внутренней жизни, слышала их громкие, яростные перебранки, разносившиеся по всем комнатам. Во время этих схваток леди ругалась столь же неистово, с такой дикой страстью и отчаянием, как и джентльмен. Она не плакала, не умоляла — она кричала, бросала в него словами, которые режали острее ножей. Одна из служанок, не выдержав груза этой тайны, разболтала об этом по всей деревне. И опять пошли всевозможные толки, домыслы и предположения, превращая реальную трагедию в народную сказку о злой ведьме и ее жертве.

Однако подозрения, хоть и тяготели над ней тяжелым бременем, оставались лишь догадками, которые практически невозможно было доказать в судебном или медицинском смысле. В этих отдаленных, дикой природе захлебнувшихся уголках мира просто не нашлось ни одного образованного медика с соответствующей квалификацией, который мог бы провести объективное вскрытие тела и развеять сомнения в естественности смерти. А тем более, там не было специалистов-графологов, способных с уверенностью установить подлинность почерка на завещании, которое, будучи составленным предельно просто и лаконично, звучало как приговор: «Оставляю все свое имущество моей законной жене, Мэдисон». Отсутствие у Виктора близких родственников или наследников означало, что юридически оспаривать этот документ было совершенно некому, и любые инсинуации оставались лишь пустыми разговорами за спиной.

Вместо того чтобы последовать общепринятому в то время кодексу поведения — продать семейную ферму, получив, таким образом, капитал, или же вновь поспешно выйти замуж, что, по мнению осуждающих соседей и общества, было единственно достойным поступком для вдовы, сохраняющей репутацию порядочной женщины, — Мэдисон совершила поступок, шокировавший весь округ. Она взяла управление делами в свои собственные железные руки. Покинув уютную, обставленную с изысканным вкусом гостиную, где прежде проводила часы в скучном вышивании крестиком, она сменила шелковые платья на практичную одежду и, не уступая мужчинам в выносливости и решительности, стала разъезжать по бескрайним полям и пастбищам. Вскоре она превратилась в самого безжалостного, расчетливого и требовательного хозяина во всей окрестности.

Деньги, как река, потекли в ее сундуки, но только в одну сторону — от других к ней. Никому не удавалось выпросить у нее повышение жалованья работникам или получить отсрочку по арендной плате, даже если они умоляли об этом. Даже когда кудрявые, испачканные землей ребятишки, падая ей в ноги, со слезами на глазах просили пощадить их папашу и дать ему еще немного времени на выплату долгов, сердце Мэдисон оставалось каменным. Оно не смягчалось ни перед чьими мольбами. Детей она открыто ненавидела, видя в них лишь источник шума, беспорядка и ненужных расходов. Она любила только животных.

Именно животные стали ее единственной слабостью, единственным проявлением человечности в ее холодном сердце. На протяжении многих лет в стенах ее дома существовало нечто вроде частной лечебницы, где любой раненый зверь, будь то лиса, волк или олень, мог найти приют и защиту. Больных и немощных существ Мэдисон выхаживала сама, проявляя невероятное терпение. Она лечила их собственноручно приготовленными травами, в которых разбиралась не хуже любого профессионального травника, и животные платили ей за эту заботу беззаветной преданностью. Окруженная со стороны людей глухой ненавистью и сплетнями, она чувствовала себя в полной безопасности под невидимой, но прочной защитой своих четвероногих друзей. Волки и лисицы стаями бродили вокруг ее жилища, не боясь огня и людей, потому что они буквально ели у нее из рук — они знали, что именно она врачевала их раны и заботилась о них, когда мир отвернулся от них.

– Ма-ама! – укоризненно, с нотками детской претензии и легкой досады протянула Пенни, перебивая повествование. Её глаза блестели от любопытства, но в голосе звучало недоумение: как можно было настолько довериться злу?

– Так гласит легенда, – ласково, почти колыбельным тоном ответила Энджела. Её взгляд стал далеким, словно она видела не комнату, а пыльные дороги прошлого. – Конечно, эта история только укрепляла веру поселенцев в то, что сам Дьявол заключил союз с Мэдисон. В их глазах это было не просто совпадением, а знаком высшего, зловещего покровительства. Способствовало этому и её растущее, пугающее всех богатство. Все, чего она касалась, казалось, превращалось в золото: золотые прииски становились невероятно богатыми, торговля процветала, а её врагов не переставали преследовать непрерывные бедствия. Их скот не приносил потомства, коровы внезапно переставали доиться, оставляя семьи без молока и сыра, дети беспричинно болели тяжкими лихорадками, а внезапные пожары уничтожали дома и нажитое тяжелым, изнурительным трудом добро. Люди шептались, что ветер несет запах серы именно от её ворот.

– Откуда же она брала работников? – спросил Фред, нахмурившись, пытаясь вникнуть в логику ситуации. – Я помню, нам в школе рассказывали, что в те времена в западных штатах, особенно в новых территориях, почти не было рабов, а значит – ей приходилось нанимать батраков на договорной основе. Но если все ее так ненавидели... Если каждый считал её виновницей своих несчастий, откуда вообще брались люди, готовые работать на неё?

– И боялись, не забывай об этом, – резко вмешался Джон. Его голос стал серьезнее, в нем прозвучала житейская мудрость человека, знающего цену страху. – Вам, дети мои, чертовски

повезло, что вы никогда не знали нужды, что ваш стол всегда полон, а крыши над головой надежны. Поэтому вы не понимаете, какой властью обладала Мэдисон. Богатство и репутация ведьмы давали ей в руки мощное, неотразимое оружие. Времена тогда были суровые, жестокие и беспощадные: неурожай и бесплодие скота означали не просто неудобства, а прямой путь к голоду. А если вашим детям грозит голодная смерть, если они начинают кашлять от истощения, вы наймётесь в работники к самому Сатане и будете целовать ему копыта, лишь бы выжить, лишь бы прокормить хоть кого-то. Страх перед смертью всегда был сильнее ненависти.

Глянув на Энджелу, он заметил легкое напряжение в её позе и виновато улыбнулся, смягчая тон:

– Прости, дорогая. Я не хотел превращать твой рассказ в целую лекцию истории или морализаторство. Я просто хотел, чтобы вы поняли контекст.

– Мне все меньше нравится Мэдисон, – тихо сказала Пенни, опустив взгляд. – Если она была такой... сильной, такой хитрой, то почему она выбрала такой путь? Это кажется неправильным.

– Ее нельзя винить, – твердо возразил Джон, глядя на племянницу, но обращаясь скорее к самой истории. – Что еще оставалось одинокой вдове, чужой для местных общин, ненавидимой всеми чужеземке в чужом, враждебном краю? Общество отвергло её, отказало в защите закона и человеческом участии. Она вынуждена была бороться, использовать любые средства, чтобы не погибнуть, чтобы сохранить себя и свое имущество в мире, где слабых пожирали сильные. Для неё это была не магия зла, а магия выживания.

12

– Ты рассуждаешь о ней как о реальном человеке, – сказала Энджела, и в её голосе прозвучала та самая привычная, слегка укоризненная нота, с которой она обычно встречала подобные утверждения. Её взгляд, холодный и оценивающий, словно скальпель, разделял мифы и факты, отделяя зерно от плевел.

– А разве в действительности ее не существовало? – переспросил Джон, и в его интонации проскальзывала та самая настойчивость, с которой он пытался пробиться сквозь стену скепсиса. Он не просто задавал вопрос; он требовал признания реальности того, что, по общему мнению, было лишь тенью, отбрасываемой старыми преданиями.

– Ну, по крайней мере, ее имя фигурирует в ведомостях подоходного налога начала восемнадцатого века, – медленно произнесла Энджела, взвешивая каждое слово. Она знала, что сухие бюрократические записи не могут служить полным доказательством существования души, но они были единственной твердой почвой под ногами в этом болоте неопределенности. – Но все остальное в этой истории – только легенда, бытующая в тех местах, переплетенная с местными суевериями и страхами, которые люди предпочитали проецировать на неизвестное.

– Пусть легенда, – кивнула Пенни, её движения стали нетерпеливыми, почти механическими. Она поправила прядь волос, заглядывая на часы, которые показывали время, тикающее всё ближе к моменту, когда ей нужно было покинуть это место. – Но давай же, мамуля, расскажи, чем все кончилось, а то через минуту за мной уже заедет автобус. Её голос звучал так, будто сама история была лишь неудобной паузой в её плотном графике, помехой, которую нужно быстро устранить, чтобы продолжить путь.

Энджела глубоко вздохнула, пытаясь вновь обрести нужный тон, тот самый баланс между рассказчиком и наблюдателем, который позволял ей сохранять дистанцию. Она не зря упрекнула Джона в том, что он делает Мэдисон Тислер слишком реальной. В этом и заключалась главная ловушка подобных историй: когда персонаж перестает быть фигурой из сказки и становится живым человеком со своими противоречиями, страхами и несовершенствами, рассказ теряет свою легкость. Гораздо легче рассказывать сказку, где добро побеждает зло по заранее известному сценарию, чем историю подлинной личности, со всеми ее слабостями, ошибками и тяжелыми заботами, которые не укладываются в рамки простого морального урока.

– Что ж, – задумчиво произнесла она, делая паузу, чтобы дать слушателям время подготовиться к развязке, – настало время, когда лечебница Мэдисон опустела. Это произошло не внезапно, а постепенно, словно вода, утекающая сквозь пальцы. Она лечила зверей слишком хорошо, слишком искусно, и ее дар стал проклятием для самой природы. Все её пациенты, выздоровевшие от своих ран и болезней, вернулись в лес. Не потому, что они хотели туда вернуться, а потому, что там было их истинное место, место свободы, куда человеческие руки их больше не тянули.

Однажды утром Мэдисон не появилась в поле, где бывала ежедневно, чтобы наблюдать за работниками. Это поле было её трибуной, местом, где она могла видеть последствия своего вмешательства, и отсутствие её фигуры стало первым знаком того, что цикл был нарушен. Конечно, ее отсутствие заметили – кто-то из старших помощников или сам владелец имения обратил внимание на пустоту в привычном расписании. Но никто не сожалел об этом – наоборот, все только обрадовались. В воздухе повисло облегчение, смешанное с тихим ужасом, ведь исчезновение Мэдисон означало не просто конец одной жизни, но и конец эпохи, когда человек мог думать, что он контролирует природу.

Но прошел еще один день, затем другой, и время текло своим неумолимым, тягучим потоком. Миновала целая неделя с тех пор, как в тихом доме Мэдисон произошло нечто

необъяснимое. И наконец, преодолевая нарастающее любопытство и скрытый страх, нашлись несколько смельчаков, которые отважились выяснить, в чем же на самом деле дело.

Следовало отметить, что у самой Мэдисон никогда не было прислуги: она еще при жизни выставила всех слуг сразу после смерти своего мужа, желая сохранить полное уединение и покой. С тех пор она жила в полном одиночестве, а дом, по рассказам соседей, превратился в место ужасного запустения, окруженное молчанием и заброшенностью.

Когда группа исследователей приблизилась к дому, они вдруг замерли на месте, парализованные внезапным и леденящим душу зрелищем. В несколько concentric рядов, словно живая стена, дом окружали дикие звери. Серые волки с горящими глазами, рыжие лисы, тьма крыс, пушистые скунсы и даже ядовитые змеи сидели и лежали вокруг уединенного жилища Мэдисон, создавая атмосферу древнего, языческого ритуала. А на крыльце, словно генерал, обозревающий свое бесстрашное войско, горделиво стояла белая кошка. Ее глаза были холодны и безжалостны, а поза излучала непоколебимую уверенность.

Незваные гости бросились было бежать, спасая свою шкуру, но тут перед ними, преграждая единственную дорогу, вырос огромный черный медведь. Его массивная фигура загораживала выход, и волей-неволей людям пришлось войти в дом. Панический ужас лишил их разума, но все же не настолько, чтобы они не смогли с первого взгляда опознать смерть. Тело Мэдисон лежало неподвижно, и было ясно: она мертва уже целую неделю.

Когда потрясенные люди вышли наружу, то увидели, что поляна опустела. Звери исчезли бесследно, словно их и не было, а с ними исчезла и белая кошка, оставив после себя лишь странное чувство незавершенности и тайны.

Энджела замолчала, и повисла долгая, тягучая пауза. Слушатели обменялись многозначительными взглядами, каждый из которых нес в себе свой собственный, невысказанный страх и недоумение. Через минуту Джон торжественно поднялся из-за стола, надел шляпу и тут же картинно снял ее перед Энджелой, выражая глубочайшее уважение к рассказанной истории и ее рассказчице.

– Это даже лучше твоей коронной истории о вампире с Четырнадцатой улицы, – тоном знатока и ценителя качественных мистических анекдотов сказал Фред, слегка прищурившись, словно оценивая тонкую игру актера.

– Сознайся честно: из всего этого повествования ты придумала хотя бы одну деталь сама? – спросила Пенни, не веря на слово, и ее взгляд стал проницательным, словно она пыталась просканировать собеседника на предмет лжи.

– Верите или нет, но в этом рассказе авторского вымысла очень мало, – признался Фред, разводя руками. – Мой приятель Эд, человек с твердым материалистическим складом ума, скептически относится к любым привидениям и потусторонним силам. Однако он обладает редким талантом: он умеет великолепно, с душой и деталями, пересказывать городские легенды. Конечно, он убежден, что всерьез говорить о каких-либо «явлениях» призраков могут лишь истеричные идиоты, чье воображение, подпитанное страхом и пустотой, начинает рисовать всякие небылицы наяву.

– Каких это именно «явлениях»? – перебил Джон, его брови невольно сошлись на переносице, а выражение лица стало напряженным и нахмуренным. Ему не нравилось, когда мистику сводили к банальной психологической игре.

– О, ничего страшного и страшного одновременно, – уклончиво ответил Фред, заметив реакцию друга. – По-видимому, Мэдисон – очень ленивое и нежелательное для общения привидение. Оно не стремится напугать живых до потери пульса.

– Что же она вытворяет тогда? Гремят ли цепи, как в старых готических романах? Завывает ли по ночам, заполняя дом леденящим душу воем? – уточнил Джон, ожидая классического хоррор-сценария.

– Ничего подобного, в том-то и заключается вся суть и, возможно, юмор ситуации, – парировал Фред. – Кое-кто слышал какие-то странные звуки, но они были слишком обыденными, чтобы вызвать панику. Слышался легкий, едва уловимый смех, скрип старых половиц под невидимой ногой. Вот и все. Это традиционный, почти клишированный набор элементов из любого фильма ужасов или истории о привидениях. А тетка Эда, женщина, прожившая в этом доме целых пятьдесят лет и знающая каждый скрип его пола, вообще ничего не слышала. Для нее этот дом был просто домом, а не местом обитания сверхъестественного.

– Но неужели за все это время, прошедшее с тех пор как дом стал считаться проклятым, никому так и не удалось разглядеть хоть что-то, действительно стоящее внимания? – Фред умоляюще глянул сквозь густую, лохматую каштановую челку, его большие глаза блестели надеждой и нетерпением. – Может быть, тень? Слышали ли вы хотя бы один настоящий крик? Или, на худой конец, запах?

– Кошку. Видели ее кошку, – признала Энджела, слегка скривившись, будто проглотила что-то несвежее. Она опустила взгляд, чтобы скрыть легкое раздражение, которое вызывали эти банальные истории. – Та самая серая дворовая кошка, которая бегает по участку уже лет десять.

– Ну, это совершенно неинтересно. Чего же тут страшного? – Фред был заметно разочарован, его плечи опустились, а энтузиазм мгновенно испарился. Он растерся руками по лицу, словно пытаясь стереть с него чувство обманутого ожидания. – Я ожидал чего-то по-настоящему жуткого, а не уличного кота.

– И не слишком убедительно, – поддержал ее Джон. Он улыбнулся, заметно расслабившись после напряжения предыдущей беседы. Его поза стала более непринужденной, он откинулся на спинку старого дивана. – Местные любители призраков и рассказчики страшных историй могли бы придумать что-нибудь получше, пооригинальнее. Бездомных кошек в этом районе слишком много, и они все как на подбор выглядят одинаково испуганными. Это скорее бытовая деталь, чем паранормальное явление.

– Что за надувательство, – проворчал Фред, фыркая от недовольства. Он топнул ногой, словно ребенок, которому не дали сладкого. – А я всегда так мечтал увидеть привидение! Хотелось бы хоть раз почувствовать этот холодок, увидеть призрачный свет… А тут вам подавай кошку.

– Если хочешь, можешь утешиться поисками могилы Мэдисон, – сказала Энджела. Она знала, что Джон наблюдает за ней, фиксируя каждое ее движение и слово, и постаралась, чтобы ее голос звучал как можно небрежнее, будто речь шла о чем-то совершенно обыденном. – Ее похоронили где-то во дворе: просто вырыли яму и опустили туда труп. Без ритуалов, без креста, без благословения. Люди сочли, что она не имеет права лежать на освященной земле из-за своих грехов.

– Эге! – радостно воскликнул Фред, забыв о своем разочаровании. Его глаза снова загорелись азартом, и он уже готов был рвануть в темноту двора.

В этот момент ему с глухим стуком достался увесистый тумак от Джона.

– Забудь об этом, осквернитель могил! – В отцовском голосе звучала напускная суровость, но в глазах Джона плясали веселые искорки. Он поправил рубашку, делая вид, что строго наказывает шалуна. – Да и вряд ли через двести лет от несчастной женщины осталось хоть что-нибудь. Кости давно превратились в прах, а кости, как известно, не любят, когда их роют без спроса. Так что оставь покойниц в покое, Фред.

– Тетя Энджел, ты упускаешь свой шанс, – сказал Фред, складывая губы в игривую ухмылку и глядя на тётю с хитрым блеском в глазах. – Тебе следовало бы писать сценарии для фильмов ужасов. У тебя невероятное чувство ритма и дар предвидения, который мог бы принести миллионы в кинотеатрах.

– Идем, Фред! – резко оборвал его Джон, нервно теребя ключи от машины. – Я понимаю, ты делаешь все возможное, чтобы пропустить школьный автобус, но нам уже пора. Опоздание на работу не входит в наши планы на сегодня.

– Мы так и не услышали конец истории, – запротестовал Фред, не отрывая взгляда от тети, словно ожидая продолжения спектакля. – Как она умерла, тетя Энджел? Не может быть, чтоб естественной смертью. Это было бы слишком скучно для такого завязывания. Я не переживу такого надувательства, это будет просто предательство моего любопытства.

В этот момент громкий, прерывистый гудок снаружи возвестил о прибытии автобуса, нарушая уютную тишину гостиной.

– Ее убили, конечно же, – сказала Пенни, ловко собирая учебники в рюкзак с такой скоростью, что казалось, она владеет ниндзюцу. – Пока. До вечера.

И прежде чем Энджел успела собраться с мыслями, дочь исчезла, растворившись в потоке школьной жизни. Фред лишь одобрительно ухмыльнулся, поправляя воротник рубашки.

– Она взяла с собой эту жуткую красную рубашку, – сказал он примирительно, обращаясь к тете, словно подводя итог театральной постановки. – И наденет ее в автобусе. Пусть родители думают, что она носит униформу, но мы-то знаем правду.

– Что-то я не заметила никакой рубашки, – недоверчиво произнесла Энджел, оглядываясь на пустой коридор.

– Пенни засунула ее в сумку. Ты же знаешь, каковы подростки в этом возрасте, тетя Энджел: им непременно нужно бунтовать, даже если это значит прятать одежду в глубине рюкзака. Это часть их сложного пути самоопределения.

– Просто чудо, что Пенни тебя до сих пор не убила за подобные глупые остроты, – снисходительно, но твердо произнес Джон, поправляя галстук. – Иди в машину, Фред. Автобус ты пропустил, но тебе все же не удастся отвертеться от домашних занятий. Я подброшу тебя по пути на работу, так что у тебя есть время подумать над уроками.

Подмигнув тете и сохраняя видимость беззаботности, Фред вразвалку удалился, засунув руки в карманы джинсов, оставляя после себя легкий шлейф юношеского задора и неразгаданной загадки.

Энджела глубоко и протяжно вздохнула, пытаясь выровнять дыхание после тяжелого разговора, и принялась механически убирать со стола, стирая крошки и складывая посуду в раковину. В этот самый момент, едва дверь успела щелкнуть замком, она вновь распахнулась с грохотом, и в проеме кухни, не торопясь, показалась голова Джона. Его глаза были широко раскрыты, а взгляд — напряженным и жадным.

– Так как же она умерла? – спросил он шепотом, стараясь, чтобы его голос не превысил уровня обычного разговора, хотя в интонации чувствовалось неуместное любопытство.

Энджела остановилась, опустив руки, и холодно посмотрела на него.

– Ты не лучше наших детей. Покончила с собой. Повесилась.

Слова повисли в воздухе тяжелым свинцовым грузом. Джон нервно поперхнулся, его плечи судорожно дернулись.

– Бр-р-р. Спасибо. А то я сегодня не смог бы ничем заниматься, только и думал бы об этом.

Он сделал вид, что шутит, но в глазах мелькнула тень неловкости. Энджела не ответила, стоя в дверях и глядя, как машина Джона медленно выезжает на дорогу. Они жили в одном из старых, благородных пригородов Вашингтона, где время словно застыло. Их дом стоял не у самого шумного шоссе, а немного отдаленно, в густой тени высоких, вековых деревьев. Эти величественные сосны и дубы скрывали их владения от посторонних глаз, создавая уютную

изоляцию, которой так недоставало районам более поздней застройки. Там, в новых кварталах, дома возвышались как пластиковые макеты, выставляя напоказ свою роскошь и пустоту, тогда как здесь ценилась приватность и естественная красота природы.

Голубой «бьюик» Джона помедлил у въезда на шоссе, его фары блеснули в утреннем тумане, а затем машина плавно влилась в поток автомобилей, спешивших в городскую суету, покачиваясь на подвеске и растворяясь в серой массе транспорта.

Самое время было выплакаться всласть, дать волю слезам и позволить горлу сжаться от рыданий, но Энджела обещала себе по возможности не распускаться. Она держала слово, даже когда внутри все кипело. Сдержав очередной всхлип, она проглотила ком в горле и вернулась на кухню, где ее ждал привычный утренний кавардак: разбросанные газеты, чашки с засохшим кофе и бесконечный беспорядок, свойственный дому с детьми. Но главным вниманием был занят стул, на котором восседала Иштар. Кошка, аккуратно сложив передние лапки на столешнице, с видимым удовольствием поглощала остатки бекона с тарелки Пенни, не обращая внимания на хозяйку.

– Скверная кошка, – сказала Энджела без особого возмущения, лишь с легкой усталостью в голосе.

Подняв коричневую мордочку, Иштар уставилась на нее невинными, почти голубыми глазами, в которых читалась абсолютная невиновность и уверенность в собственной правоте. Трезво оценив ситуацию и поняв, что угрозы не последует, кошка решила, что Энджела не собирается идти дальше словесных упреков, и с удовлетворенным мурчанием вернулась к бекону, облизывая усы. Энджела, облокотившись на массивный дверной косяк, закрыла глаза и задумалась, позволяя тишине кухни поглотить последние остатки её внутреннего смятения.

13

Историю о Мэдисон она рассказала нарочно, с расчетом на определенную реакцию. От Джона ей все равно не удалось бы скрыть эту правду, так как его интуиция была слишком проницательна, а внимание к деталям — слишком внимательным. Поэтому единственным верным ходом было продемонстрировать абсолютное, почти вызывающее беспечное спокойствие по поводу всех этих жутких ужасов, которые он так болезненно воспринимал. Только так, сохраняя внешнее хладнокровие, она могла убедить его в том, что суевериям Энджела не придает никакого значения, что для нее это лишь пустые страшилки, не имеющие веса в реальности.

Сказать, что Джон буквально нянчился с ней, было бы несправедливо и унизительно по отношению к ним обоим, ведь они оба были людьми сильными и независимыми. В трудные, кризисные минуты он неизменно приходил ей на помощь, выступая надежным тылом. И если иногда его поддержка оказывалась значительно более объемной и эмоциональной, чем того требовала объективная ситуация, то лишь потому, что Эллен самой этого хотелось, подсознательно нуждаясь в этой дополнительной теплоте. Однако важно отметить: Джон никогда не навязывал ей свою опеку, не давил авторитетом и не заставлял чувствовать себя слабой. Он предлагал руку помощи, но оставлял право выбора за ней.

Тем не менее, одной из глубинных, первопричин ее твердого желания переменить жизнь, переехать и поселиться в доме меж холмов, было подсознательное стремление освободить близких ей людей от груза забот о ней. Она осознавала, что зависит от своих племянников не меньше, чем от Пенни, и при этом значительно больше, чем они сами готовы были осознать или признать вслух. Их любовь к ней была смесью долга, привычки и искреннего участия, но эта зависимость становилась тяжелой ношей. И теперь, перед лицом перемен, она должна была отпустить их, позволить им жить своей жизнью, не оглядываясь. А для этого ей самой нужно было остаться в одиночестве, найти точку опоры внутри себя. Любовь — это не обязанность, не контракт и не долг, а исключительно добровольный дар, который нельзя требовать по праву. И если перед детьми она обязана этим даром кровным родством и воспитанием, то перед Джону она обязана даже большим — его пониманием, принятием и той особой формой близости, которую они выстроили вместе.

Новый дом на самом деле пришелся ей по душе гораздо больше, чем она ожидала. Она успела полюбить его так сильно, с такой глубокой, почти физической привязанностью, как не любила до сих пор ни одну вещь в своей жизни — ни старые квартиры, ни временные убежища. Энджеле казалось, что этот дом, будто живое существо, тянется к ней, дышит вместе с ней, впитывает ее эмоции и отвечает на них тихим, уютным теплом стен. Но при этом она многое бы отдала за то, чтобы Эд никогда не рассказывал ей эту жуткую, пропитанную древним злом историю. Эта тень прошлого висела над домом, несмотря на его красоту.

— Проклятье! — вырвалось у нее, и звук был резким, сорвавшимся с языка от внутреннего напряжения. Кошка Иштар, теперь уже разгуливавшая по столу в поисках еще чего-нибудь вкусненького с тарелок, настороженно подняла ухо, ее зрачки сузились, но тут же успокоилась. Она справедливо решила, что брань относится не к ней, а к обстоятельствам, и снова опустила голову, продолжая трапезу. Энджела сознавала, что Иштар ведет себя из рук вон скверно, нарушая все правила приличия, но ее в эту минуту гораздо больше занимали вещи, мысли и детали, о которых она умалчивала или не успела упомянуть во время недавнего рассказа. Эти недосказанности крутились в голове, как назойливая муха, не давая покоя.

Во-первых, следует обсудить странное видение белой кошки. Джон, безусловно, прав в своем рациональном скепсисе: мало ли бездомных, заблудших кошек бродит по густым зарослям леса, в поисках пищи или убежища от хищников. Однако для сверхъестественного явления, для настоящего привидения это выглядит как-то слишком прозаично, даже несолидно. Не

стоит позволять собственному воображению раздувать пустые страхи, подпитывая их домыслами и туманными ощущениями. Гораздо больше Энджелу терзала и не давала покоя другая, куда более тяжелая мысль: прямо у нее во дворе, скрытые под мягким покровом зеленой травы, покоятся хрупкие, пожелтевшие от времени кости Мэдисон.

Джон, обладавший тонкой интуицией, заметил эту внутреннюю тревогу, но, по-видимому, решил, что его спутница слишком благоразумна и зрела, чтобы серьезно расстраиваться из-за подобных мелочей. Для него кости были лишь остатком оболочки, старой, сброшенной кокона, покинутой раковиной, которая давно исчерпала свое предназначение.

В общем, Энджела могла быть вполне довольна собой: она перенесла весь этот груз неопределенности и мрачных мыслей довольно мужественно, сохраняя внешнее спокойствие. Но тогда возникает резонный вопрос: почему же она утаила от Джона правду о том, как на самом деле умерла Мэдисон?

Как утверждал Эд, чей врожденный талант рассказчика явно пропадал зря из-за его затворнического, замкнутого образа жизни, очевидцы трагедии обнаружили тело Мэдисон повешенным на крюке. Но те косвенные намеки и полутона, которые нынешним утром позволили себе Пенни и Фред, лишь укрепили смутные, но настойчивые подозрения Энджелы в том, что в этой смерти что-то глубоко не так, что официальная версия скрывает нечто иное.

Для ревностной католички самоубийство было не просто ошибкой, а смертным грехом, отрезающим путь к спасению души. Зачем бы Мэдисон, человек веры и дисциплины, доводить себя до такого конца? В местных легендах и преданиях не упоминалось ни о каком неизлечимом, смертельном заболевании, ни о каком тяжком преступлении, которое могло бы толкнуть ее на столь ужасный и безвыходный шаг. Такой поступок противоречил бы не только ее предполагаемой строгой вере, но и ее твердому, если не сказать жестокому, характеру, ее непоколебимой решительности. Кроме того, Мэдисон была хорошо сведуща в свойствах трав и растений; если бы она обнаружила у себя какую-нибудь страшную, прогрессирующую болезнь, то, обладая знаниями алхимика и лекаря, скорее выбрала бы тихую, менее болезненную смерть от яда, чем публичное и позорное самоубийство через повешение.

Прогоняя эти назойливые, лезущие в голову мысли, Эллен резко тряхнула своими светлыми локонами, словно сбрасывая с плеч невидимую паутину.

– Хватит! – решительно произнесла она вслух, прерывая внутренний монолог.

Слова можно было толковать двояко: как призыв к остановке размышлений или как указание прекратить какое-то действие. Но Иштар, чье имя носила эта часть души или эта новая личность, предпочитала руководствоваться не словами, а конкретными поступками. Ее собственная фигура уже исчезла из виду, растворилась в пространстве, а Энджела, оставшись одна со своими мыслями, принялась за дело: методично и молча убирать грязные тарелки, возвращая порядок в хаосе быта.

***

В субботу утром, когда небо было чистым, а воздух напоен предвкушением перемен, вся компания отправилась на просмотр дома. Путь до места назначения оказался долгим и утомительным, и большую часть этого времени Джон сидел в машине с непроницаемым выражением лица, погруженный в свои мысли. Он настоятельно попросил Энджелу воздержаться от подписания каких-либо документов или оформления сделки до тех пор, пока она не бросит на дом еще один, более критичный и внимательный взгляд. Разумеется, в глубине души Джон хотел сказать нечто гораздо более резкое: «Пока я сам не увижу этот дом своими глазами, ни о каком решении не может быть и речи». Но врожденная тактичность и желание сохранить мир в отношениях с Энджелой не позволили ему выразиться столь откровенно и прямо, поэтому он ограничился намёком.

В то же время Фред и Пенни, юные члены группы, вели себя совершенно иначе. Они всю дорогу хохотали без остановки, словно сошли с ума от восторга, громко горланили популярные песни по радио и отпускали друг другу возмутительные, порой граничащие с непристойностью шуточки. Для них это путешествие стало настоящим приключением, и они полностью, безоговорочно одобряли стремление Энджелы к «возвращению к природе», видя в этом лишь свободу от школьной рутины и городских ограничений.

И вот, наконец, они прибыли. К величайшему облегчению Энджелы, которое она скрывала за маской спокойствия, обаяние дома подействовало на всех присутствующих без исключения, включая даже сдержанного Джона. Архитектура, гармонично вписанная в ландшафт, запах старого дерева и тишина, нарушаемая лишь пением птиц, создавали атмосферу уюта и безопасности. Не в силах смириться с размеренной, казалось бы, медлительностью взрослых, которые обсуждали детали и осматривали фундамент, молодежь помчалась наверх, не дожидаясь приглашения. Их крики одобрения и восторженные возгласы, наполненные детской радостью, сладостной музыкой звучали в ушах Энджелы, пока она стояла с Джоном в просторной гостиной, слушая эхо их шагов. Однако этот идиллический момент был прерван громким воплем Фреда, который, разумеется же, неудачно ударился головой о тот самый низкий лестничный свод, о котором предупреждали хозяева. Этот болезненный звук, хотя и был вызван болью, лишь добавил сцене комичности и реалистичности.

– Он очарователен, надо признать, – с легкой, едва заметной улыбкой сказал Джон, потирая подбородок задумчиво. Его глаза сканировали комнату, замечая детали, которые ускользали от обычного взгляда. – И я прекрасно тебя понимаю, Энджела. В определенные моменты жизни каждого человека наступает время, когда его тоже начинает тянуть в тихое, уединенное местечко вроде этого, подальше от суеты.

– О, Джон, я так рада слышать это, – искренне ответила Энджела, чувствуя, как внутри разливается тепло.

– Но погоди, я еще не сказал, что полностью одобряю покупку, – продолжил Джон, и его тон стал более деловым, отрезвляющим. – Очарование – это одно, а термиты – это совершенно другое. Эти древние вредители могут съесть любую деревянную конструкцию, превратив наше новое убежище в труху. Давай-ка не спеша, шаг за шагом пройдемся по всем этажам и посмотрим, сколько гнезд удастся обнаружить. Мы должны быть готовы ко всему, даже к самому худшему сценарию.

Энджела нервно переминалась с ноги на ногу, наблюдая, как Джон методично, почти хирургически точно простукивает деревянную обшивку дома и прощупывает каждый доступный сантиметр поверхности. Его пальцы уверенно скользили по шероховатой древесине, а губы непроизвольно шевелились, вынося тихие, неразборчивые вердикты в пространство. Каждое такое действие вызывало у Энджелы новый приступ тревоги: молчание Джона было тяжелее любых слов. По его непроницаемому лицу, покрытому легкой тенью задумчивости, было невозможно decipher, что именно крутится у него в голове — надежда или разочарование. Лишь когда они, преодолев последнюю ступеньку крыльца, остановились на старой, поросшей мхом тропе перед фасадом дома, Джон наконец откашлялся. Звук был сухим и громким в тишине полуденного зноя, и Энджела инстинктивно напряглась, готовясь услышать свой приговор.

В этот момент из густой чащи леса, примыкавшей к участку, донеслись радостные возгласы Фреда и Пенни. Дети, воспользовавшись моментом внимания взрослых, убежали исследовать окрестности, их веселые крики и смех смешивались с шелестом листвы, создавая контраст с напряженной атмосферой, царившей между взрослыми.

Джон поправил воротник рубашки, глубоко вздохнул, словно набираясь смелости перед трудным признанием, и наконец заговорил:

– Мне страшно не хочется это признавать, – начал он медленно, выбирая слова, – но дом поразительно хорошо сохранился. Если бы не возраст, можно было бы подумать, что его недавно отреставрировали. Конечно, придется изрядно потрудиться, чтобы привести его в должный вид, особенно внутри. Там царит хаос времени и забвения. Кухня и ванная обойдутся тебе в довольно круглую сумму — придется сносить все до основания и начинать с нуля. Ты ведь наверняка захочешь устроить еще одну ванную комнату внизу, для гостей или родителей, да и старый водопровод нуждается в полном капитальном ремонте. Трубы, скорее всего, ржавые и хрупкие. Канализацию не трогали, похоже, лет тридцать, возможно, больше, и система, вероятно, требует полной замены или глубокой модернизации с установкой современных фильтров. Об электропроводке я лучше промолчу — в таком возрасте она представляет собой потенциальную угрозу пожара, но… но само строение удивительно крепкое. Фундамент монолитный, балки прочные. Эти стены простоят еще лет сто, если за ними правильно ухаживать. Это редкая удача для такого времени постройки.

Энджела выдохнула, чувствуя, как напряжение немного отпускает, но главный вопрос оставался открытым. Она посмотрела на него прямо, не отводя взгляда:

– А что ты думаешь насчет цены? Сумма кажется мне завышенной для такого объема работ.

Джон кивнул, подтверждая ее сомнения, но его лицо оставалось серьезным:

– Цена даже ниже, чем я ожидал увидеть на рынке подобных объектов. В этом и заключается главная инвестиционная привлекательность. А сейчас с каждым днем все больше желающих забраться подальше от шума и суеты больших городов, найти уединение и покой вдали от цивилизации. Тренд на «тихую жизнь» только набирает обороты. Если ты в будущем захочешь его продать, то ничего не потеряешь. Наоборот, вложения в ремонт окупятся с лихвой, так как спрос на такие аутентичные, крепкие дома растет.

– Значит, ты всё-таки даёшь мне совет?

– Нет. – Джон улыбнулся ей, и это теплое, слегка усталое выражение лица заставило её сердце предательски дрогнуть в груди. Он не просто улыбался; его взгляд был глубоким, полным понимания и той тихой грусти, которая часто скрывалась за его спокойным фасадом. – Я был бы несравнимо счастливее, если бы ты купила какой-нибудь уютный, светлый домик в Потомаке или Чеви-Чейз. Там, где нет сквозняков в стенах, где соседи вежливо кивают друг другу через заборы, а тишина не давит на уши, а лишь успокаивает.

– Терпеть не могу подобные местечки. – Она скривила губы, словно пробуя на вкус что-то горькое и пресное. – Это все равно что жить в музее: стерильно, безопасно и мертвецки скучно. Там нет души. Там нет жизни.

– Знаю. – Джон кивнул, словно подтверждая её слова, которые он слышал от неё не раз. – И именно поэтому я чувствую, как притягателен этот дом. Его недостатки, эти трещины в фундаменте, скрипучие полы и призрачная аустика заброшенности, вызывают не отвращение, а странное, непреодолимое желание засучить рукава, взять в руки инструмент и поскорее привести все в порядок. Он просит заботы. Он эгоистичен, как и я.

Он сделал паузу, глядя ей прямо в глаза, и его голос стал тише, почти шепотом.

– Я эгоист, Энджела. Я хотел бы, чтоб ты выбрала что-нибудь менее привлекательное, пусть даже неприятное тебе, лишь бы самому не волноваться. Мне не нужна драма, мне не нужны ночные кошмары о том, что с тобой случилось. Просить вообще чертовски трудно, особенно когда ты привык держать всё под контролем. А особенно – просить того, к кому я отношусь так, как к тебе. Кого я берегу больше собственной безопасности.

– Ты же знаешь, что твое мнение очень много значит для меня. – Она опустила взгляд, чувствуя, как её уверенность шатается под натиском его искренности. – Но это мой выбор. Мой путь.

– Поэтому я не дерзну навязывать его тебе. – Он мягко, но твердо отстранился от этой мысли, словно отягчающего груза. – Забудь о моих чувствах. Они здесь не при чем. Но скажи честно: ты уверена, Энджела, что будешь счастлива здесь? Совсем одна, вдали от людей, в этом старом, каменном убежище – тебе не страшно? Не кажется ли тебе иногда, что тишина там слишком громкая?

– Здесь я буду в большей безопасности, чем втвоих драгоценных пригородах. – В её голосе прозвучала сталь. – Там, в этих красивых коробках, люди видят то, что хотят видеть. А здесь, среди руин и истории, я вижу реальность. И реальность не притворяется.

– Возможно – в каком-то смысле. – Джон вздохнул, и в этом вздохе звучала бесконечная забота. – Но меня заботит не физическая безопасность. Меня заботит твое душевное состояние. Твой покой.

– Так я и знала! – Она резко выпрямилась, и её глаза вспыхнули обидой. – Мне не следовало рассказывать эту историю! Ты на самом деле думаешь, что я неврастеничка? Что я боюсь собственных теней?

Изумление во взгляде Джона сменилось искорками смеха, живыми и теплыми. Откинув голову назад, он искренне расхохотался, и звук этого смеха наполнил комнату, развеивая напряжение.

– Девочка моя дорогая, поверь: твое привидение – единственное, что меня совершенно не беспокоит! – Он снова посмотрел на неё, и в его глазах теперь читалась лишь нежная насмешка и бесконечное восхищение её силой. – Я беспокоюсь о том, чтобы ты сама себя не напугала. Но если ты уверена, что справляешься... то я просто буду ждать, пока ты решишь, что тебе больше не нужно быть сильной в одиночку.

14

Два последующих месяца пролетели с ошеломляющей, почти гипнотической быстротой, словно время само решило ускорить свой ход, чтобы не мешать хаосу, воцарившемуся в доме. Поначалу Энджела искренне недоумевала: как вообще она, с ее растерянным взглядом и переполненной мыслями головой, собиралась управиться с этим грандиозным логистическим подвигом? Нужно было собрать в дорогу всех троих членов своего семейства, которые теперь отправлялись в совершенно разные концы света, словно разбросанные по карте звезды; нужно было продать дом в Бетесде — место, пропитанное воспоминаниями, и привести в порядок новое, холодное и пустое жилище, которое лишь ждало своего наполнения.

Но Джон, как всегда, взял инициативу в свои руки, не спрашивая разрешения и не оставляя места для сомнений. Он взвалил на свои широкие плечи изрядную, практически непосильную часть всех хлопот, действуя с той безупречной эффективностью, которая была его отличительной чертой. Именно он нашел покупателя и продал дом, и позже, когда Энджела анализировала финансовые итоги этой сделки, ей казалось, что он сделал это чуть ли не в убыток себе. Но в глубине души она понимала: для него цена была не в деньгах, а в освобождении ее от утомительных, бесконечных уборок, которым, казалось, не будет конца. Джон хотел избавить ее от необходимости постоянно наводить лоск и чистоту в доме, который уже перестал быть их общим очагом.

Кроме того, он полностью, до мелочей, освободил ее от забот по поводу собственного отъезда. Он позаботился о чемоданах, билетах, документах и мелких деталях, которые обычно отнимали столько нервов. И если Энджела пришила несколько пуговиц на свои вещи — пуговицы, которые вовсе не нуждались в этом, так как держались крепко и без вмешательства иглы, — то произошло это лишь потому, что она не смогла отказать себе в этом последнем, хрупком праве контролировать хоть что-то в своей жизни. Это был ее тихий, почти невидимый протест против неизбежного расставания, способ вернуть ощущение порядка в свой внутренний мир. Джон, кстати, об этом не подозревал; его внимание было занято более серьезными вещами, и он видел лишь результат — аккуратно сложенные вещи, а не символический акт сопротивления.

Что касается детей, то Джон проявил здесь твердость и хитрость одновременно. Он заставил Фреда и Пенни активно помогать ей с ежедневным мытьем посуды, раскладыванием вещей по местам и прочими нудными, рутинными занятиями, которые обычно вызывали у подростков протест или игнорирование. То, чего Энджела не удавалось добиться в течение многих лет попытками, вздохами и даже просьбами, удалось сделать одному лишь авторитетному присутствию отца. И самое поразительное заключалось в том, что, несмотря на свою убийственную занятость, полную график встреч, звонков и решений, Джон умудрялся всегда быть рядом. Он был физически и эмоционально доступен в каждый критический момент, создавая вокруг Энджелу невидимый, но прочный кокон заботы и поддержки, пока буря перемен бушевала вокруг них.

Невероятная, почти ошеломляющая скорость, с которой был проведен капитальный ремонт дома, приобретенного у Эда, стала настоящим событием, поразившим Энджелу до глубины души. Этот феноменальный темп работ вызвал бурю зависти у всех ее знакомых женщин, которые могли лишь мечтать о подобной эффективности. Возникали два вполне обоснованных предположения: либо в этих небольших, тихих городках, где время, казалось, застыло на месте, до сих пор живы и чтутся традиции добросовестного, честного труда, когда мастер гордится каждым выполненным шагом; либо же мистер Мартин, несмотря на свою внешнюю скромность и нежелание афишировать свои связи, пользовался значительным, если не сказать решающим, влиянием среди местных прорабов и руководителей ремонтных бригад. Как бы то ни было, результат был ошеломляющим: водопроводчики, электрики, плотники и маляры

сменяли друг друга с молниеносной точностью, словно в эстафетной гонке. Каждый раз, переступая порог этого жилища, Энджела с удивлением обнаруживала, что дом меняется на глазах — стены были свежо оштукатурены, полы отполированы до блеска, а окна сияли чистотой, словно их только что вставили.

В самый разгар этой строительной суматохи, когда пыль и шум достигли своего пика, из колледжа вернулись ее племянники — Дин и Колин. Молодые люди, едва переступив порог и осмотревшись, мгновенно оценили масштаб предстоящих задач и тут же созвали экстренный семейный совет. С энтузиазмом молодых бунтарей, жаждущих самостоятельности, они заявили тетке, что продолжать выбрасывать деньги на ветер, нанимая чужаков для простых задач, — это верх неразумия. Они уверенно пообещали, что многие работы вполне смогут выполнить своими руками, проявив свою мужскую солидарность и умения.

Робкие, осторожные возражения Энджелы, пытающейся защитить дом от возможного вандализма или небрежности, были решительно и безапелляционно отметены племянниками, которые считали свое участие не просто полезным, а обязательным. Уже на следующее утро, как только рассвет окрасил небо в розовые тона, вся эта энергичная компания — включая верного друга семьи Фреда — отправилась в дом между холмов. Они были вооружены не только профессиональными инструментами, но и спальными мешками, подушками и солидным запасом консервов, рассчитанным на несколько дней непрерывной работы. Их главной целью было выкрасить каждый сантиметр дерева, попавшийся им на глаза: от веранды до чердачных балок, от дверных ручек до оконных рам.

Для Пенни, дочери Энджелы, эта внезапная атака со стороны мужчин стала настоящей трагедией. Ее огорчению не было пределов. Она мечтала о том, чтобы лично, в своем темпе, прикоснуться к преображению дома, но занятия в колледже занимали весь ее день и заканчивались лишь в начале июля. Вдоволь помахать кистью, почувствовать запах краски и ощутить радость созидания ей позволялось лишь в выходные дни, да и то под строгим контролем матери, которая боялась, что дочь испортит дорогостоящие материалы. Теперь же все пространство было захвачено племянниками, оставив Пенни лишь роль наблюдателя со стороны.

События последней недели слились в единый, стремительный поток, который впоследствии Энджела так и не могла разобрать на отдельные детали. В ее памяти остались лишь смутные, разрозненные образы: мелькание усталых, но довольных фигур, перетаскивающих тяжелую мебель из одного конца дома в другой, стук молотков, заколачивающих гвозди, и тихий шорох развешиваемых картин. Она помнила, как подшивали края новых портьер, создавая идеальную геометрию окон, и расстилали ковры, укрывая холодный пол мягким ворсом. Когда, наконец, последние машины съехали с подъездной дорожки и вся ее многочисленная семья разъехалась по своим домам, оставив после себя уют и порядок, Энджела поняла, что вся тяжелая, физически изматывающая работа уже сделана. Правда, чуткие домочадцы, предвидя ее истощение, позаботились о том, чтобы оставить ей достаточно мелких хлопот — например, распаковку личных вещей или настройку бытовой техники, — чтобы у нее хватило забот по меньшей мере еще на несколько дней. Энджела не могла не оценить этого внимания и заботы, понимая, что за этим хаосом и суетой стояла глубокая, искренняя любовь ее семьи к ней и к их новому общему дому.

И вот, стоя на пороге холодного, влажного вечера, она махала рукой вслед уезжающему автомобилю, который уносил от нее всех ее близких, оставляя лишь эхо мотора и запах выхлопных газов. Днем раньше, под серым небом, они посадили Пенни на самолет до Нью-Йорка. Та, одетая в удобную куртку и с рюкзаком за плечами, казалась такой самостоятельной и взрослой, хотя в глазах еще мелькала тень детского волнения. Оттуда, присоединившись к большой туристской группе, она должна была отправиться в свой первый самостоятельный кругосветный маршрут — на месяц в Европу, где ее ждали древние города, музеи и бесконечные прогулки по незнакомым улицам.

А сегодня Энджела провожала Джона и племянников. Атмосфера прощания была тяжелой, но наполненной тихой гордостью за то, что дети выросли и обрели свои пути. Мальчики собирались провести первые дни свободы с друзьями в Вашингтоне, наслаждаясь городским шумом и ночными огнями, а потом разъехаться по стране на все лето, каждый по своему направлению. Дин, полный энергии и стремления к действию, ехал воспитателем в спортивный лагерь, где его ждала тяжелая физическая работа и общение с детьми. Колин, серьезный и сосредоточенный, направлялся поработать в одном из северных штатов, готовясь к важному этапу своей академической карьеры — осенью ему предстояло держать экзамен на докторскую степень, и каждое свободное мгновение он хотел посвятить чтению и исследованиям. А младший, Фред, романтик и мечтатель, собирался в долгий поход по Канаде с двоюродными братьями Джона, мечтая о дикой природе, кострах под звездами и ощущениях первопроходца.

И теперь, глядя на красные огоньки машины, которые медленно таяли в темноте, теряясь меж двух высоких сосен в конце подъездной аллейки, Энджела с мучительной, почти физической остротой поняла, что остается совсем одна. Тишина, которая наступила после урчания двигателя, казалась оглушительной.

Красные пятнышки расплылись в багровые разводы — и не только из-за дождя, который вдруг начал накрапывать, добавляя уныния и меланхолии этому моменту. Слезы сами потекли по щекам, смешиваясь с каплями влаги на лице. Смахнув их быстрым, нервным движением и пару раз шмыгнув носом, Энджела глубоко вздохнула и вернулась в дом. Дверь захлопнулась с тяжелым стуком, отсекая внешний мир.

Она поставила на проигрыватель виниловую пластинку — классический джаз, спокойный и умиротворяющий, и уселась прямо на пол в гостиной, среди разобранных коробок с книгами, которые предстояло распаковать и разместить. Воздух в доме был наполнен запахом старой бумаги, дерева и чего-то неуловимо домашнего. Новенькие стеллажи, установленные вдоль стен, сияли свежей краской, напоминая о тех днях, когда семья была вместе, и о племянниках, чьи руки трогали эти полки, чьи глаза бегали по корешкам.

В камине жарко пылал огонь — его разжег Джон перед уходом, на прощанье, как символ тепла и защиты. Потрескивание поленьев, мягкий свист музыки и тихое шуршание страниц постепенно улучшали мрачное настроение Энджел, наполняя комнату уютной гармонией. Правда, полки заполнялись медленно: каждый том нужно было тщательно протереть от пыли сухой тканью, проверяя состояние переплета, да еще постоянно попадались любимые книжки, которые Энджела давно не перечитывала. Как тут удержаться и не пробежать несколько строк, не вернуться в знакомые миры, созданные великими мастерами слова? Она как раз углубилась в третью главу «Сентиментального путешествия» Юнга, погружаясь в описания пейзажей и размышлений героя, когда в дверь резко позвонили.

Звук был резким, вторгающимся в идиллию. Разминая затекшие ноги, Энджела поковыляла в прихожую, отмечая на ходу, что неплохо бы поискать в магазинах старинный дверной молоток: электрический звонок слишком напоминал о цивилизации, о городской суете и чужих людях, и казался чужеродным в этом упоительно уединенном месте, где время, казалось, текло иначе.

Уверяя Джона, что не боится оставаться одна, она не преувеличивала; она привыкла к тишине, ценила свое пространство. И теперь открыла дверь без колебаний, ожидая увидеть курьера или, может быть, соседа. Но вид нежданных гостей заставил ее в ужасе отшатнуться назад, к стене, так как то, что она увидела на пороге, разрушило всю ее иллюзию безопасности и спокойствия.

Мужчина, неподвижно стоявший на веранде, не вызывал никаких опасений или подозрений. Он выглядел высоким и широкоплечим, его фигура производила впечатление надежности и силы. На нем был старый, потрепанный временем дождевик, с которого непрерывно стекали капли дождя, оставляя темные пятна на ткани. Однако его лицо, обрамленное этой

суровой одеждой, было поразительно молодым и озаренным широкой, искренней улыбкой, которая казалась еще более юной на фоне преждевременной седины, коснувшейся висков. Этот контраст придавал ему особый шарм. Энджел вдруг поняла, что знакома с ним: она ясно помнила, как Эд Мартин однажды указал на него в компании, упомянув его имя. Но даже если бы он был совершенно чужим человеком, псы, скалившиеся с обеих сторон от него, заставили бы любого постороннего мгновенно обратиться в бегство. Это были огромные, мощные доберманы, черные как сажа, с блестящей шерстью и напряженным, готовым к действию видом.

— Миссис Харпер? Позвольте представиться: я ваш ближайший сосед. Норман Маккей. — Его голос был спокойным и вежливым. — Это мой дом там, на холме, вы его, наверное, видели.

— Да-да, конечно. — Энджел протянула ему руку, стараясь скрыть легкое волнение. — Мистер Мартин упоминал о вас. Войдите, пожалуйста?

— С удовольствием. Если, конечно, не помешаю своим появлением. Я хотел прийти и раньше, но знал, что вы, вероятно, очень заняты делами по переезду. А сегодня утром я увидел, как ваша семья уезжает, и подумал, что вам будет приятно узнать, что здесь, в этом районе, у вас тоже есть друзья и соседи, готовые помочь.

— Очень любезно с вашей стороны, — искренне ответила Энджел, чувствуя, как напряжение немного отступает. — Вы не можете помешать, потому что дел у меня хватит еще на целый месяц. И я как раз собираюсь пить кофе. Будет здорово поговорить.

Она отступила назад, приглашая войти внутрь дома. Однако вместо того, чтобы последовать этому доброму приглашению, Норман наклонился и уверенно схватил собак за ошейники, словно хотел продемонстрировать свою власть над ними.

— Надеюсь, мои спутники вас не напугали? — спросил он с легкой усмешкой.

— О нет, — храбро соврала Энджел, хотя ее сердце билось чуть быстрее.

— Я специально взял их с собой, чтобы представить вас друг другу. Теперь, если вы встретите их как-нибудь на прогулке, не стоит бояться. Они не нападают без приказа, но выглядят довольно устрашающе, особенно если наткнуться на них неожиданно... Зевс, Гром — познакомьтесь с миссис Харпер.

Энджел осторожно протянула руку и дала каждой собаке обнюхать ее ладонь по очереди. Обычно она не боялась собак, считая их преданными друзьями, но в этот момент она была благодарна своему гостю за то, что он крепко держал их, не давая возможности проявить любопытство или агрессию. Она понимала, что это излишняя предосторожность и что псы на самом деле прекрасно вышколены и послушны, но чуткость Нормана, его внимание к ее комфорту тронуло ее. В этом жесте чувствовалась забота, которая была редкостью в ее новой, еще незнакомой обстановке.

15

Собаки, вежливо, почти интимно обнюхав кончики ее пальцев, мягко опустились на паркет. Они легли одновременно, с той безупречной синхронностью, которая свойственна лишь искусным акробатам или хорошо отлаженным механизмам. «Или отлаженных механизмов», – невольно подумала Энджела, наблюдая за тем, как их тела приняли идеальную, расслабленную позу.

– Потрясающе! – искренне восхитилась она, не скрывая удивления. – Я даже не заметила, чтобы вы подали им какой-либо знак. Ни жестом, ни голосом.

– Я сделал это потихоньку от вас, – мальчишески усмехнулся Норман, и в его глазах блеснул озорной огонек. – Честно говоря, не мог удержаться, чтобы не пустить пыль в глаза. Это моя маленькая слабость. Можно, они подождут на веранде? Там им будет спокойнее.

– Конечно, пожалуйста, – кивнула Энджела, отступая в сторону.

Войдя в гостиную, Энджела только собралась извиниться за неизбежный беспорядок, накопившийся за последние дни, как ее гость, оглядываясь по сторонам, воскликнул с искренним восторгом:

– Книги! Боже мой, сколько книг! И все ими прочитаны! Дивное зрелище. Стены буквально дышат литературой.

– Я бы сказала, жуткий кавардак, – рассмеялась Энджела, указывая на книги, небрежно сложенные стопками на креслах и даже на полу. – Иногда мне кажется, что я сама теряюсь в этом лабиринте.

– Вы не представляете, как приятно встретить родственную душу. Я себя чувствую алкоголиком, приглашенным на новоселье к трезвеннику, который обнаруживает полный, до краев набитый бар выпивки. Для меня это настоящий праздник.

– Ну тогда мне незачем ломать голову, чем занять вас, пока я варю кофе, – с облегчением вздохнула Энджела.

Вернувшись через несколько минут с подносом, Энджела обнаружила, что ее гость, скрестив ноги в удобной позе лотоса, сидит прямо на полу среди разбросанных томов Диккенса. Он был погружен в чтение с тем сосредоточенным видом, который обычно имеют люди, увлеченные чем-то по-настоящему важным. При ее появлении он легко вскочил, не уронив ни одной страницы, и поспешил принять у нее тяжелый поднос. «Интересно, сколько ему лет? – подумала Энджела, отмечая легкость его движений. – Двигается он как мальчишка, но в глазах сидит какая-то зрелая мудрость...»

Когда выяснилось, что они с Норманом любят одних и тех же авторов, разделяют одни и те же литературные пристрастия и спорят о трактовках персонажей с той же страстью, с какой некоторые спорят о политике, симпатия Энджелы возросла еще больше. К моменту расставания, когда чашки были уже пусты, они уже перешли на «ты», и время пролетело незаметно.

– Я не собирался засиживаться, – чистосердечно признался Норман, поднимаясь с места и поправляя пиджак. – Но разговор затянулся. Ты уверена, что тебе не нужно помочь с посудой? Я могу помыть или убрать.

– Спасибо, сама прекрасно управлюсь. Это моя работа. Но я искренне рада твоему приходу. Приятно сознавать, что поблизости есть живая душа, с которой можно поговорить не о погоде, а о чем-то настоящем.

– Если понадоблюсь, звони в любой час дня или ночи. День или ночь – не имеет значения. Но здесь тебе нечего бояться, – добавил он уверенно, глядя ей прямо в глаза. – Уже двести лет в этих краях не совершалось серьезных преступлений. Местные законы суровы, но справедливы.

«Странно, – подумала Энджела, когда он вышел за дверь. – Зачем бы ему уточнять этот срок? Или он хочет сказать, что два столетия назад... Но ведь Мэдисон Тислер жила еще на

пятьдесят лет раньше, в начале века. И с ней случилось то, что изменило все. Или он имеет в виду что-то другое?»

Прежде чем она успела открыть рот, так и не решив, развивать эту тревожную тему или оставить ее, собаки на веранде внезапно взорвались яростным, угрожающим лаем, нарушив тишину вечера.

Норман, уже стоявший у двери, резко нахмурился, его поза мгновенно изменилась, став напряженной и готовой к действию.

— Кто-то приближается. Ты ожидаешь гостей? — тихо спросил Норман, его взгляд был прикован к входной двери, словно он ждал нежеланного визита.

— Нет, никого не жду. Скорее всего, это просто реакция на Иштар. Кошки обладают удивительным чутьем на чужаков или скрытую угрозу. Но ведь они не нападут на безобидную домашнюю кошку, правда? — в голосе Энджел прозвучала легкая неуверенность, хотя она пыталась звучать уверенно.

— У тебя есть кошка? — переспросил Норман. В его тоне вдруг проскользнули такие странные, почти пугающие нотки, что Энджел инстинктивно замерла. Это не был вопрос интереса; это было предупреждение.

Любители кошек с уверенностью утверждают, что эти загадочные и независимые существа обладают сверхчувственным восприятием, способным улавливать вибрации, запахи и энергии, недоступные человеческому носу. Энджел неоднократно убеждалась на собственном опыте, что Иштар, ее черная пушистая питомица, наделена почти мистической способностью возникать буквально из воздуха при любом упоминании ее имени или при изменении атмосферы в доме. Вот и сейчас, словно улавливая тревогу собеседника, кошка появилась в проеме двери. Она величаво, почти торжественно шествовала через гостиную, грациозно помахивая поднятым столбом хвостом, демонстрируя абсолютное спокойствие и доминирование.

Вместо того чтобы по обыкновению замереть в опасении при виде незнакомого человека, как она делала это всегда, Иштар неуклонно надвигалась на Нормана. Ее немигающие, пронзительные голубые глаза были устремлены прямо на него, сверля его взглядом с ледяным спокойствием хищника, оценивающего добычу. Энджел ахнула от неожиданности, когда увидела, что Норман инстинктивно попятился назад, ударившись спиной о стену. Лицо бледного мужчины побелело так, что даже жилки на висках стали заметны.

— О, прости, пожалуйста, — воскликнула она, поспешно бросаясь к кошке и хватая ее на руки. — Я совсем забыла, что некоторые люди... что некоторые люди не выносят кошек. Это моя оплошность.

Истошно, пронзительно мяукая, Иштар корчилась у нее в руках, вырываясь и царапая воздух когтями. Эти отчаянные вопли не смягчили Энджел; она знала, что кошка чувствует страх Нормана и реагирует на него как на вызов. Жестко, но осторожно заперев обиженное и взбешенное животное в подвале, она вернулась в гостиную, оставляя за спиной хриплые, жалобные звуки, доносящиеся из-за плотно закрытой двери.

Норман, все еще бледный как полотно, нервно вытирал холодную испарину со лба платком. Его руки слегка дрожали.

— Глупо, правда? — спросил он с кривой, самоироничной усмешкой, пытаясь вернуть себе контроль над ситуацией. — Нет, ради Бога, Энджел, не извиняйся. От твоих извинений я почувствую себя еще большим идиотом. Но я не в состоянии справиться с этой дурацкой, иррациональной фобией. Это не просто неприязнь, это паника. Мой врач утверждает, что более тяжелого, клинически подтвержденного случая он за свою практику не встречал. У меня настоящая, патологическая боязнь.

Энджел подошла ближе, глядя на него с искренним сочувствием и пониманием.

— О, дорогой, мне так жаль, — тихо произнесла она, стараясь смягчить его унижение. — Но, надеюсь, это не означает, что ты больше никогда не придешь ко мне в гости? Мы можем найти способ, как-то договориться с обстоятельствами...

– Нет-нет, пожалуйста, не путай это с обычной аллергией. У меня совершенно отсутствует физиологическая реакция на шерсть, перхоть или специфический запах животных. Меня не беспокоит даже само осознание того, что кошка находится в моем доме, если только мне не приходится видеть ее или... или физически дотрагиваться до нее. – По его лицу мгновенно пробежала мучительная, почти судорожная гримаса, словно он подавил внутри приступ глубокого отвращения. Собравшись с силами, Норман виновато и немного смущенно улыбнулся, пытаясь скрыть истинную силу своей реакции. – Видишь? Сама лишь мысль о возможном контакте вызывает у меня неприятную дрожь и мурашки по коже. Это ужасно неловко. Жаль, что я так нелепо и неуклюже отплатил тебе за твое гостеприимство. Теперь, пожалуй, моя очередь принять тебя у себя. Приезжай ко мне – и поверь, это не потому, что я трус, который боится встречаться с твоим питомцем, а просто потому, что мне искренне хочется похвастаться тебе своей библиотекой и скромной, но тщательно собранной коллекцией старинных безделушек. Как насчет того, чтобы пообедать у меня прямо завтра? Я сам за тобой заеду.

– С удовольствием, конечно, – мягко ответила Энджела, провожая его взглядом до самой двери, – но ты абсолютно не обязан...

– Разумеется, не обязан. Я просто сам очень этого хочу. Не волнуйся, тебе не придется пробовать холостяцкую стряпню, которая часто бывает посредственной: моя экономка Марта – старая, немного ворчливая женщина с пуританскими замашками, но готовит она божественно. Ее кухня – это отдельный мир, где каждый кусочек еды сделан с любовью и вниманием к деталям.

Открыв тяжелую наружную дверь, он шагнул на веранду, откуда вновь донесся неистовый, раздирающий душу лай. Энджела невольно отпрянула назад, инстинктивно защищаясь от звукового потока. Норман рассмеялся, услышав ее вздох.

– Вот это истинная деликатность! Готов поспорить, что ты притворилась испуганной моими безобидными песиками лишь для того, чтобы мне было меньше смущаться моего собственного, может быть, иррационального страха перед твоей злобной кошкой. Спасибо тебе, Энджела. Искренне рад, что мы наконец познакомились. Увидимся завтра. Около семи? Отлично, договорились.

Стоило ему приоткрыть дверь, как собаки, словно по команде, метнулись наружу. Казалось, они в бешеном азарте преследуют кого-то. Псы неслись по двору беззвучно, их лапы не касались земли, но их молчание было куда более устрашающим и зловещим, чем любой яростный лай. Представив себе кролика, который отчаянно улепетывает от этой парочки монстров с громадными, белыми, как слоновая кость, клыками, Энджела сочувственно вздрогнула, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

Вокруг царила гнетущая тишина, нарушаемая лишь шелестом листвы и редкими отголосками эха. Машины нигде не было видно — ни на подъездной дорожке, ни на прилегающих участках, словно они исчезли в воздухе. Когда Норман, сопровождаемый верными псами, бесследно растворился среди деревьев, скрывшись в густой зелени леса, Энджела остановилась, оглядываясь по сторонам. В ее голове мгновенно сформировалась догадка: где-то там, за пределами видимого пространства, должна существовать скрытая тропинка, соединяющая этот дом с соседним имением. Она чувствовала это интуитивно, словно невидимая нить тянулась в темноту.

«Надо найти ее», — рассеянно подумала она, и эта мысль показалась ей вдруг такой уместной и даже романтичной. Пожалуй, это случайное знакомство стоило продолжения, как выразилась бы Джейн Остин в одном из своих романов. Нечаянно обнаружить такой подарок прямо у себя под боком, в окружении привычной рутины, — кто бы мог ожидать этого?

Привлекательного, состоятельного, образованного и умного мужчину — и даже обладающего редким чувством юмора, который способен разрядить любую обстановку. Ее вашингтонские подружки, с которыми она поддерживала поверхностные, но ревностные связи, непременно умерли бы от зависти, узнав о таком повороте событий. Они постоянно мучили Энджел своей чрезмерной заботой, без конца подсовывая ей фотографии «подходящих» холостяков, рассказывая об их доходах и званиях, и строили довольно-таки рискованные предположения по поводу ее странного равнодушия ко всем кандидатам, которые, по их мнению, были созданы специально для нее.

«Что ж, почему бы и нет?» — подумала она с легким вызовом, направляясь к дому. Несколько лет, проведенных в одиночестве, имеют свою прелесть: свобода, независимость, отсутствие компромиссов. Но тридцать или сорок? А что дальше? Весь остаток жизни?.. Эта перспектива пугала больше всего. Джон никогда на ней не женится; их отношения, пусть и теплые, оставались на уровне глубокой дружбы, но без обязательств. Скорее всего, он со временем найдет себе в Европе какую-нибудь эффектную дамочку, яркую и страстную, и тогда она потеряет его даже как друга, оставшись до конца своих дней всего лишь «старой доброй тетушкой Энджел», удобной и безопасной фигурой в чужой жизни.

Хотя, если рассматривать ситуацию трезво и прагматично, в качестве потенциального жениха Норман имел один существенный, почти фатальный недостаток: между ним и Иштар явно придется выбирать. Это был не просто вопрос выбора собаки, а вопрос выбора образа жизни, который он предлагал, и того, что Энджела была готова принять.

Вспомнив об Иштар, Энджела невольно улыбнулась, и ее губы сложились в игривую гримасу. Снизу, из темного подвала, доносились странные звуки, напоминающие скрежет металла о металл и глухие стоны. Звуки были настолько отталкивающими, что казалось, будто там какие-то негодяи заживо сдирают кожу с несчастной пленницы, пытаясь вырвать из нее душу.

Решительным, уверенным шагом Энджела подошла к массивной подвальной двери. Она взялась за холодную ручку и резко распахнула ее, готовясь к худшему. Однако вместо ужасающей картины перед ней в прихожую вылетел пушистый желто-коричневый комок. Это была Иштар, которая, видимо, поняла, что время терять нельзя. Собака несколько минут яростно царапала входную дверь своими острыми когтями, пытаясь выбраться наружу, издавая тихие, но настойчивые визги. Потом, внезапно осознав, что жертва сбежала и опасность миновала, Иштар моментально успокоилась. Она стояла посреди прихожей, тяжело дыша, и сосредоточенно принялась вылизывать себе живот, тщательно убирая следы побегов.

– Ха! – злорадно сказала Энджела, скрестив руки на груди. – Он уже ушел. Одурачил тебя, не так ли? Я думала, ты будешь рыдать, но ты даже не заметила разницы.

Иштар и ухом не повела. Для нее этот инцидент был лишь мелким недоразумением, которое быстро забылось. Перевернувшись на спину, она задрала ногу и еще старательнее, с видимым удовольствием, начала трудиться над следующим участком своей шерсти, игнорируя присутствие хозяйки и свои недавние «грехи».

Наблюдать за этими жалкими, судорожными попытками Нормана продемонстрировать холодное равнодушие было поистине комедийным зрелищем, от которого Энжел не смогла удержаться от легкой, почти снисходительной улыбки. Однако мало-помалу, по мере того как она вглядывалась в его напряженное лицо, выражение ее черт постепенно менялось: легкая ирония уступала место более глубокому, задумчивому осмыслению увиденного. Она неоднократно слышала рассказы о специфических фобиях, о том, как люди реагируют на определенные стимулы, но всегда была твердо убеждена, что в ее случае это ничем не отличается от того брезгливого, почти физиологического отвращения, которое она сама испытывала по отношению к гусеницам, тараканам и прочей ползающей мелочи.

Энджела искренне не выносила насекомых; их вид вызывал у нее неприятный зуд и желание немедленно избавиться от них. Но, в отличие от истерических реакций, о которых она

слышала, она никогда не падала в обморок, не теряла самообладания и не покрывалась мурашками от одного лишь взгляда на них. Ее реакция была скорее эстетической неприязнью, чем потерей контроля. И вот теперь, глядя на Нормана, она подумала: «Бедняга! Ему, должно быть, невыносимо страдать от своей „болезни“». Энджела не сомневалась ни на секунду: он действительно не властен над своими эмоциями, они настигают его внезапно и беспощадно. Ведь ни один мужчина, обладающий хоть каплей достоинства и гордости, не стал бы демонстрировать свою слабость, свою уязвимость на глазах у женщины, если бы только мог этого избежать. Это было бы унижением, которого он, очевидно, боялся больше всего на свете.

А затем её взгляд скользнул вниз, к Иштар...

Энджела свирепо, с холодным блеском в глазах, посмотрела на кошку, которая искусно притворилась, что совершенно не замечает пристального взгляда хозяйки. Проницательная Иштар прекрасно поняла весь спектр переживаний Нормана и, как опытный хищник, уже начала планировать, как воспользоваться этим моментом. Кошки, эти загадочные и эгоистичные создания, всегда тянутся к тем, кто их терпеть не может. В зависимости от степени этой взаимной неприязни, коварные пушистые твари демонстрируют либо заискивающую, льстивую покорность, пытаясь усыпить бдительность жертвы, либо же злорадное, почти человеческое удовольствие от неловкости и растерянности, которые испытывает их «жертва».

– Ужасное животное, – нежно, почти сладко сказала Энджел, беря на руки притворно-застенчиво мурлыкающую Иштар. Кошка поддалась, извиваясь в объятиях, но в её глазах мелькнула хитрая искорка. – Скверная кошка, ты хочешь кусочек печёнки, да? Ты думаешь, что можешь манипулировать нами? Успокойся, радость моя, я не выйду замуж за того, кому ты придешься не по душе... Джон, конечно, взял бы тебя к себе, если бы Норман...

В этот момент острые, как иглы, зубы впились ей в запястье. Не до крови, но все же довольно ощутимо, болезненно: клычки Иштар оставили на нежной коже заметные, красные следы. Резкая, пронзительная боль заставила Энджелу вздрогнуть. Она поспешно, почти грубо опустила коварную любимицу на пол, разрывая иллюзию нежности и мгновенно возвращаясь в реальность, где границы между игрой и настоящей агрессией были размыты одним укусом.

16

– Мне бы следовало тщательнее выбирать предмет разговора, – пробормотала она себе под нос, глядя вслед оскорбленно удаляющейся кошке. Иштар шла, высоко подняв голову, с тем самым непоколебимым достоинством, которое было свойственно ей всегда, но в этот раз каждое движение её грациозного тела, каждый взмах хвоста и напряженная мускулатура спины излучали такое чистое, концентрированное презрение, что Энджеле

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.